

Т Ъ Е Р Р И

КОЭН

она так долго
снилась мне

«Любовь – это союз двух людей,
рожденных от одной души».

Поединок с судьбой

Тьерри Коэн

Она так долго снилась мне

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Коэн Т.

Она так долго снилась мне / Т. Коэн — «Эксмо»,
2011 — (Поединок с судьбой)

ISBN 978-5-04-092442-4

Иона — молодой и не очень удачливый писатель. Лиор — медсестра. Их объединяет страстная любовь к книгам. И еще — вера в то, что у каждого из нас, живущих на этой земле, есть своя половинка, человек, который рожден от той же души, что и мы. Но найти свою половинку непросто, надо распознать ее из миллионов людей вокруг и потом не потерять. Это история, рассказанная двумя голосами — его и ее. История потерь и обретений, надежд и разочарований. История, в которой есть грусть и радость, где немало тайн и много романтики. История двух бесконечно одиноких людей, которые в огромном мире ищут друг друга и самих себя.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-092442-4

© Коэн Т., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие Г-На Гилеля ЭДинберга, книготорговца	6
-1-	9
Иона	9
Лиор	11
-2-	13
Иона	13
Лиор	16
Иона	19
Лиор	24
-3-	27
Иона	27
Лиор	31
Иона	33
Лиор	34
-4-	37
Иона	37
Лиор	44
-5-	48
Иона	48
Лиор	52
Иона	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тьерри Коэн

Она так долго снилась мне

Эстелле Коэн-Ассаль, автору и персонажу неоконченного романа

© Брагинская Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие Г-На Гилеля ЭДинберга, книготорговца

Я Гилель Эдинберг, книготорговец.

Впрочем, те люди, которые знают меня близко, а таких немного, считают, что я к тому же сват.

В штетлах, еврейских местечках на границе Восточной Европы и моей памяти, сваты – они назывались шадханы – обладали огромной властью: они умели находить душу-половинку для каждого, кто их об этом попросит, будь то девушка или парень. Они читали в душе человека, как в книге, а потом по дорогам и весям отправлялись искать ту или того, кто рожден от той же искры.

Но я сват совсем другого рода.

Я живу не в штетле, а в центре Парижа.

Ворожу над обложками книг.

Я книжный сват.

Свожу людей и книги.

Мой магазин – место встреч, нечто вроде брачного агентства.

Я убежден, что каждый человек ищет не только свою душу-половинку, некую предназначенную для него судьбой книгу, книгу, несущую его личную истину, и без этой книги ему никак не понять, для чего же он все эти годы бредет по жизни. Без произведения всей жизни. Книги-светоча.

Ох, вы, наверное, посмеетесь надо мной, прочитав эти строки, или, по крайней мере, ухмыльнетесь, как ухмыляетесь при виде чудаков, оригиналов или же детей, то есть тех, чей взгляд на вещи отличается от общепринятого, но ничем вам не грозит. Да, кстати, должен вас заранее предупредить: если вы из тех уверенных в себе людей, что мыслят строго научными категориями, если вы избегаете прямо смотреть на солнечный свет и раскладываете его на химические и физические компоненты, то вам не стоит читать эту книгу. Она не для вас написана. Возможно, я покажусь вам слишком прямолинейным. Но я просто занимаюсь своим делом и стараюсь уберечь вас от ненужных усилий. Раз уж я книготорговец, мне положено вас вовремя предупредить, чтобы вы не двинулись случайно по пути, который никуда вас не приведет и ничего не принесет ни уму, ни сердцу.

В общем, знайте, что роман этот о любви.

Вы, скептики, подумаете, что все истории о любви уже рассказаны. Давид и Вирсавия, Тристан и Изольда, Поль и Виргиния, Кандид и Кунигунда, Солаль и Ариадна... Все они схожи и при этом совсем разные. Объединяет их то, что они воспевают красоту искреннего чувства, различает же суть конфликта, вокруг которого раскручивается вся история. Читатель найдет в них отголоски своей жизни, своих страхов и надежд.

Это роман и о любви к книгам, о той любви, которую авторы и читатели посредством слов и мыслей передают друг другу.

Важное уточнение: книгу эту написал не я. Моя роль ограничивается несколькими страницами предисловия. Тем не менее это огромная ответственность, и потому я сперва даже отказался от такой миссии. Но потом меня уговорили. Я чувствовал, что это необходимо. Свою роль сыграло и тщеславие.

Авторы романа – Иона и Лиор. Позвольте мне вам их представить.

Сначала Иону.

Несомненно, вы удивитесь, что я начал с него: из соображений учтивости сперва представляют даму. Я отвечу вам на это, что подлинная литература не должна ориентироваться на светские условности. Ее задача состоит в другом: в построении сюжета и фразы, в поиске нужных слов, убедительных и точных слов, раскрывающих читателю полет авторской фанта-

зии и богатство языка. Более того, именно Иона, можно сказать, зачинщик всей истории. Каждый поворот ее связан с ним, все существенное замыкается на нем. Позднее вы поймете, что я имею в виду.

Мне бы хотелось иметь такого сына, как Иона. Я, между прочим, так к нему и отношусь. А почему бы и нет? В конце концов, раз наши дороги пересеклись, раз жизнь позволила нам пережить вместе столько прекрасных моментов, раз сейчас мне доверена роль проводника в этой любовной интриге – все лишь потому, что наши души как-то связаны. Назовем это судьбой, случаем или предопределением или же объясним с точки зрения той или иной религии, зачем люди встречаются, привязываются друг к другу и вместе проходят остаток дороги, – не все ли равно? Родства душ не существовало бы, не будь в нем смысла. Высшего смысла, который нужно угадать, понять и разобраться в нем.

Ну вот, я опять пустился в мистику! Забудьте все, что я вам сказал, или отложите в какую-нибудь дальнюю ячейку памяти и познакомьтесь с Ионой с помощью текста, который он написал для своей любимой, когда их история чуть не подошла к концу. Исповедь, написанная в отчаянии.

Теперь представляю Лиор.

Лиор... Я пишу это имя, и дрожь пера выдает мои чувства к ней. Нет, нет, даже и не думайте! Речь не идет о любовных чувствах, я глубокий старик и более не обременяю себя подобными страстями. Лишь красота текста еще способна зажечь в моем взоре пламень вожделения. Говоря о своем отношении к Лиор, я имею в виду ту особенную нежность, которую испытывают порой люди преклонного возраста к юным существам, к живости их взгляда и чудной улыбке, к любым выражениям благородства их души, которые открывают потайную дверцу в прошлое и переносят через годы в эпоху безоблачного счастья. Лиор из таких. И немудрено! Когда она появилась в магазине впервые, я словно вновь увидел в ней ту женщину, которую любил всю жизнь. До чего же она была на нее похожа! Если быть точным, она походила на женщину, какой стала бы моя любимая, если бы варвары не забрали ее у меня. Может, это и была она? Мне нравится порой так думать. По крайней мере, это могла быть ее душа, вернувшаяся на землю, чтобы завершить свой жизненный путь. Слишком уж внезапно он был прерван. В священных книгах написано, что душа в момент реинкарнации всегда просит вернуться поближе к любимым и близким.

Да, знаю, я все глубже увязаю в трясине мистики. Ничего не могу с этим поделать. Для меня жизнь имеет смысл лишь в том случае, когда она руководствуется какой-то иной логикой, нежели общепринятая – та, что заставляет человека совершить столько жестокостей в нашем мире.

Но полно, суть не в этом. Суть в самой истории, в которую я поневоле ввязался.

Лиор и Иона сначала поведают вам о себе. Расскажут, откуда они, какими были в детстве и юности, что оставило тогда след в их душах. Сами знаете, чтоб понять человека, очень важны его детские обиды и душевные травмы. Каждая из них, словно резец скульптора, иссекает душу, придавая ей определенную форму. И стоит легонько коснуться этих шрамов, как душа открывается.

Еще речь пойдет о смерти.

Потому что смерть, появившаяся и в жизни Лиор, и в жизни Ионы, действовала как своего рода указатель цели.

Иногда именно так и случается: трагедия проходится по душе, как ураган по городу. Когда он появляется, везде царят шум, суматоха, смятение и ужас. Никто больше не отличает прекрасного от уродливого, искусственного от естественного, истинного от ложного. Когда он обрушивается на нас, ничто не может совладать с его силой. Мы должны ждать и надеяться, терпеть и молиться. Когда он уходит, мы стоим как громом пораженные, отчаянно вглядываясь в себя, растерянно оглядываясь, пытаюсь определить, что же ураган разрушил, а что пощадил,

и прислушиваемся к голосу сердца. Нас озаряет удивительная ясность, мы осознаем, кто же мы на самом деле.

В этом смысле смерть близкого человека часто оказывается отправным пунктом нового пути.

Если она не все разорила в душе.

В моем случае смерть унесла родителей, всех близких, девушку, которую я любил, – и разрушила дотла мою вселенную, мою веру в жизнь. И понадобилось много времени, а затем много прекрасных книг, чтобы я сумел ее восстановить.

Но что-то я заболтался, роман же вовсе не обо мне и моей истории. Ну, если только чуть-чуть. Странная у меня роль...

Ну что ж, захотелось вам прочитать этот роман? Возможно. А если нет, не жалейте. Столько еще всего нужно прочитать, а времени так мало, что негоже пренебрегать собственными предчувствиями.

А где-то вас ждет ваша книга-светоч.

Может, это она перед вами?

А если и не она, может быть, она натолкнет вас на путь к той, единственной, которая однажды заполнит вас целиком.

Гилель Эдинберг. Книготорговец и сват. Париж, 20 декабря 2010 года

-1-

Любовь – это сон

Иона

Первый сон

Я попал в какую-то странную историю, бессвязную и запутанную, – такими обычно бывают сны людей, которые наяву не принимают большую часть повседневной реальности. На меня накатила какая-то сонливая вялость, не имеющая ничего общего с настоящей усталостью, и я бродил в сумерках сновидения.

И вдруг – как вспышка света во тьме. Разорвав туманные полосы сна, передо мной возникло лицо.

Словно вы сонно клюете носом перед какой-то программой, но мгновенно сменяется длина волны, и через несколько секунд показывают совершенно другую – несколько нечетких, летучих, зыбких образов, наделенных при этом удивительной силой и способных вывести вас из оцепенения.

Какие у нее были волосы? Темно-каштановые или черные. А глаза? А глаза светлые. И печальные. Она походила на фигуру со старинной картины, ее облик был прекрасен по тем, прежним, канонам. В позе ее чувствовалась незащитность, во взгляде сквозила растерянность, словно она пыталась уловить какое-то воспоминание и сознавала, что это невозможно.

По правде говоря, мне трудно ее описать. Ночь похитила у меня ее образ.

Потом она увидела меня или как-то иначе заметила мое присутствие, и по ее губам скользнула улыбка. Она произнесла какое-то слово, я не расслышал его, но, как мне показалось, угадал: «любить».

Я хотел подойти к ней, услышать ее, но печальный образ растаял в ночи.

Этот сон я видел за пять лет до начала истории, которую бы хотел вам поведать. Я мог бы опустить этот эпизод, как и несколько последующих, и сразу же приступить к рассказу о встрече с единственной девушкой, для которой и была написана эта книга. Тогда история стала бы намного правдоподобней – если вообще в той закрытой реальности, которая служит ареной для наших фантазий, нашлось бы для нее место. Но я уверен – только искренностью можно добиться полной достоверности. Я долго не мог решиться прибегнуть-таки ко лжи, хотя бы и к умолчанию. Считал, что заблуждаются те, кто расцветивает и лакирует действительность, придавая ей видимость истины. И когда мне случилось предать свои убеждения – вроде бы из благородных и чистых побуждений, – я потом горько об этом пожалел.

Поэтому не стану от вас ничего скрывать.

Этот сон – мимолетная яркая вспышка в ночи – озарил всю мою жизнь. Я сразу же понял, что эта девушка отныне будет занимать все мои мысли, что нас обязательно сведет судьба.

Мои слова могут показаться вам бредом автора, томящегося в поисках вдохновения. Вы распознаете миф о музе, трансформированный сухим и противоречивым умом современного человека. Решите про себя, что я вовсе не пережил ничего подобного, но всего лишь представил события в некоем романтическом свете, чтобы было легче обвести вас вокруг пальца и увлечь перипетиями любовной интриги. Мне нечего предложить в ответ на такие доводы, кроме своего стремления к цельности картины. Я всегда старался быть искренним. Но вы меня совсем не знаете и поэтому можете не поверить на слово, не станете читать эту книгу или бросите меня с моими чувствами посреди дороги.

Именно так она и сделала.
И потому я начал писать.

Лиор

Я была маленькой девочкой и в мечтах представляла себя принцессой; была подростком и торопилась повзрослеть; была романтической девушкой и мнила себя женщиной, опытной соблазнительницей, упивающейся своей властью.

Я была всеми этими женщинами, и ни одна из них мне не нравилась.

Только женщины поймут, что я хочу этим сказать.

Ведь в каждой женщине присутствуют принцесса, упрямый подросток, авантюристка, подруга, мать; все, кем она была или могла быть; все, кем она станет однажды; все, кем она никогда не станет.

Эти сущности сталкиваются между собой, перемешиваются, сплетаются с изгибами судьбы и характера и в итоге составляют личность, сотканную из света и тени, из подлинного и наносного, из чистых цветов и оттенков.

Часто нам кажется, что речь идет всего лишь о раздвоении личности: маленькая девочка в теле взрослой женщины, принцесса, что томится в роли покорной жены, романтическая натура, ищущая свою душу в плоти разных мужчин, мать, которую разрывают любовь к детям и страсть к мужу.

Но на самом деле все гораздо сложнее. В каждой из нас все эти женщины живут одновременно.

Есть некий универсальный язык, он записан в глубине каждой женской души. Он нас объединяет и позволяет понимать друг дружку, угадывать тайные движения души, а главное – ожидание любви и чувство одиночества. Любовь и одиночество – два основных слова нашего языка. Вот такой выбор. Словно две двери открываются в чужие миры. Однако все женщины знают, что эти два слова неразрывно связаны. Потому что выбор не зависит от нас – или совсем в малой степени.

Сегодня вечером мое одиночество подводит итог и объявляет о моем поражении. Я знаю, что больше не буду женой, матерью, возлюбленной, и плачу над утраченными иллюзиями.

Я соберу в кулак остатки воли и те крохи достоинства, которые у меня еще остались, и поклянусь: никогда больше не буду чувствовать себя принцессой, никогда больше не стану воображать себя женой и матерью. Поклянусь, что отныне выбираю одиночество.

Я решила начать свой рассказ с этого отрывка из моего дневника, потому что он служит ключом к пониманию всей последующей истории.

Женщины много пишут. Пишут на бумаге, на экране компьютера, выцарапывают на поверхности сердца. Пишут исповеди и пустяки, пишут мощно и поэтично. Но редко кто из них может в этом признаться. Что до меня, я пишу, когда слова переполняют душу и чтение больше не способно унять мои мучения. Когда я читаю, то растворяюсь в истории, придуманной авторами, хитросплетения интриги отвлекают меня от бед и тревог. Я забываюсь, плыву по течению. Но, когда пишу, я возвращаюсь к самой себе, вычлению слова, которые меня волнуют и терзают, останавливаю их безумный бег и направляю их в другое русло – выплескиваю на бумагу или на экран. Но, поскольку я не слишком хорошо к себе отношусь, процесс получается довольно болезненный.

Я оставила в дневнике эту запись, когда меня оставил мой последний мужчина. Когда посреди бесконечной бессонной ночи, обессилив от слез, от ранивших душу воспоминаний, я бросилась писать, чтобы без слов вопить о своей боли. Чтобы словами затушить свое горе, закрыть раз и навсегда этот период своей жизни, покончить с мужчинами и принять решение больше не поддаваться чувствам.

Чтобы убедить себя, что я – свободная женщина.
И мой свободный выбор – одиночество.

-2-

Любовь – это путь

Иона

Надо рассказать вам, кем я был и кем я стал.

Был я писателем, а теперь – нет.

С какого момента можно считать себя писателем? С того момента, когда охватывает страсть к сочинительству? Или после того, как создан первый достаточно сильный текст, способный вырвать нас из плена повседневности?

Или с момента, когда издатель выказывает вам свое доверие, подписав договор?

А когда перестаешь быть писателем? Когда больше не хочется создавать книги? Когда чувствуешь, что былая страсть остыла и пламень вдохновения погас? Когда забывают читатели? Если вообще посчастливилось занять свой круг читателей...

Что до меня, я с детства исписывал целые тетрадки, сочиняя заметки, стихи и рассказы, но писателем себя не считал. Писал я лишь затем, чтобы не разговаривать. Потому что слова, срываясь с моего языка, не умели ни сложиться в нужном мне порядке, ни выразить нужного мне смысла. Мои запинки и заикания вызывали у сверстников смех, я был обречен на молчание, в крайнем случае на краткие ответы и лаконичные односложные высказывания.

Я всегда держался среди ровесников особняком, не участвовал в общих играх, не лез в главари, не добивался внимания девочек. И даже когда заикание с годами прошло, я продолжал держаться в стороне. Соблюдал небольшую дистанцию, позволяющую мне чувствовать себя в безопасности. Не лез в гущу событий, а оставался внимательным наблюдателем.

Когда ты смотришь на мир со стороны, становятся очевидны его лицемерие и ханжество, можно отследить все ролевые игры, основанные на лжи и обмане, оценить всю неискренность привязанностей. Мне кажется, что люди вечно представляются друг перед другом. Они клянутся в верности, целуются, влюбляются, обещают друг другу любовь до гроба, награждают друг друга пышными эпитетами и превозносят по пустякам.

Так я наблюдал, анализировал, отдалялся от мира.

В итоге вырос человеком со сложным характером, принципиальным и непримиримым, честным и неподкупным, нетерпимым и упрямым. Я искал истину, но не был способен ничего сочинить, описать свои чувства, воплотить в действие свои идеи. А следовательно, одиноким.

Сочинительство было для меня способом извлечь на свет божий живущие во мне миры, приручить свои страхи, выплеснуть на бумагу любовь к жизни.

Папа был квалифицированным рабочим на металлургическом заводе, мама – парикмахером. Они любили друг друга, и чувство их было чистым и глубоким – одного взгляда было достаточно, чтобы выразить его. Не знаю, возникла ли у них романтическая влюбленность с первого взгляда. Думаю, они просто восприняли свой союз как данность. По крайней мере, мне всегда нравилось так думать. Но нет сомнений, что их связывала настоящая любовь. Любовь, за долгие годы заботливо возвращенная из зерна. Чувство, основанное на терпении и самоотдаче.

Они жили друг другом, жили друг ради друга и еще ради меня.

Мою страсть к чтению и сочинительству они считали признаком детской одаренности, которую в школе не сумели распознать. Гордо заявляли тем, кто готов был их слушать, что их сын, когда вырастет, станет писателем. Я не возражал.

Со временем тяга к чтению пересилила страсть к сочинительству. Я писал лишь короткие рассказы – больше по привычке – или же стихи, посвященные той, которую однажды полюблю, пусть пока она и затеряна в пространстве и времени, в снах и мечтах...

Но я был убежден, что где-то обязательно есть девушка, предназначенная только для меня, и я узнаю ее с первого взгляда. Только не думайте, что я тешил себя иллюзиями, внушенными слюнявым романтизмом. Напротив, я подчинил ощущения трезвому расчету. Я понимал любовь как чувство, которое ждет меня в будущем: она придет ко мне, властно поселится в моем сердце и возвысит меня над обыденной реальностью. Под сенью любви моих родителей я сумел определить свои требования и выработать принципы, которые приведут меня к той единственной, которой я смогу доверить свою жизнь. Вот эти принципы: никогда не врать; не позволять гордыне управлять моим разумом и действиями; вместе, на равных, сооружать фундамент храма высоких отношений, преданных взглядов и разумных, искренних речей.

Потому моя личная жизнь была, по правде говоря, бесславной. Мне порой нравились какие-то девушки, им удавалось соблазнить меня, но ни одна не задержалась надолго – так, незначашие отношения.

Вернее сказать, они как раз что-то значили, но настолько одно и то же, что даже становилось скучно. Я ценил красоту и нежность девушек, восхищался богатством и сложностью их эмоций, но оставался сторонним наблюдателем. Их достоинства были способны растрогать меня, разбудить мое сердце, но оно оставалось свободным, чувства пролетали, не задерживаясь. Влюбленность проходила, уступая место каким-то формальным отношениям, в которых оба, казалось, играли свою роль. Играли роли возлюбленной и возлюбленного, роли жениха и невесты, всячески старались изобразить пару.

Девушки жаждали романтических встреч, сцен в голливудском духе, залогов любви, которые потом можно было бы предъявить подругам и родителям. Им нужны были обещания и клятвы, чтобы хвастаться перед подружками, они ждали от меня подвигов, чтобы гордиться мной. В общем, сплошные штампы, надерганные из кино, рассказов подружек и популярных песен. Я появлялся в их жизни, как зритель, занимающий в театре откидное сиденье. При этом я всегда испытывал к ним нежные чувства. Но что такое нежность по сравнению с истинной любовной страстью! А ее-то как раз я не мог им дать и не стремился получить.

Когда они все же решались проверить меня, прощупать на предмет дальнейших отношений, когда требовали от меня слов любви и напрямую спрашивали, чего же я от них хочу, я отвечал прямо и честно, и тогда они, как правило, обижались.

Искренность несовместима с романтизмом. Она разоблачает его легковесность и напыщенность, его тягу к наигранным чувствам и красивым словам.

Порой расставания сопровождалось потоками слез, и я удивлялся, как можно раздуть трагедию на пустом месте: ведь так мало чувств было вложено во все эти истории. Конечно, мне было жаль, что бедняжки так страдают, но я знал, что они меня очень скоро забудут. И когда спустя несколько недель или месяцев я узнавал, что они утешились, что счастливы с другим возлюбленным и строят с ним планы на будущее, передо мной открывалась печальная истина: не меня они любили, но саму идею любви. Пережитая ими драма составляла часть общей комедии: первый нежный взгляд, первый поцелуй, первая лживая клятва... И когда я об этом думал, меня охватывал ужас: ведь я мог бы поддаться, плениться чарующей музыкой их чувств, забыть свои принципы, сложить оружие, позволить окрутить себя, обручиться, жениться и обречь себя на безнадежное и унылое существование. Пусть кто-нибудь другой играет эту роль.

Мое убеждение только крепло.

Меня ждет одна-единственная женщина.

Она предназначена мне судьбой.

Лишь с ней я смогу разделить свою жизнь, лишь она станет матерью моих детей и моей спутницей в старости.

Нужно только уметь ждать.

Я занялся филологией. Может, в этом проявилась тайная надежда неспешно продвигаться на пути к написанию романа? Не знаю. Иногда, если стесняешься каких-то воспоминаний, зарываешь их так глубоко, что и не достать. Закончив учебу, я устроился на работу корректором в журнал мод. И оказалось, что в этом чисто женском обществе моя личность расцвела и сумела плодотворно раскрыться. Девушкам-сотрудницам нравилась моя внешность, мой замкнутый характер интриговал их и задевал за живое, а страсть к литературе вызывала восхищение: как известно, в царстве слепых и кривой – король. Высокий рост и развитая мускулатура, унаследованные от отца, четкость и жесткость черт, проявившиеся от долгого пребывания в одиночестве, – все эти факторы создали мне репутацию крутого парня. А природная кротость и мягкость тем более импонировали молодым журналисткам. Их весьма привлекала компания доброжелательного и надежного человека, который ничего от них не требует. У меня с этими свободолюбивыми, целеустремленными и самоуверенными существами установился негласный договор, который вполне меня устраивал: ночь-другая вместе, время от времени походы в ресторан или в кино, приятное общение, дружеские шутки, увлекательные беседы, никакого буйства страсти и наигранных страданий.

Вот так я и жил тогда – и тут мне приснился этот сон. Оттого ли он так поразил меня, что явился подтверждением моих жизненных установок? Или оттого, что предвещал трагедию, перевернувшую всю мою жизнь?

Лиор

Мужчинам всегда удавалось обвести меня вокруг пальца. Слишком я была доверчивая: разом раскрывалась, мгновенно увлекалась. Пара нежных слов, брошенное вскользь обещание – и я уже влюблена. По сути дела, я никогда не расставалась с убеждением, что жить – значит принадлежать. Принадлежать семье, принадлежать мужчине.

Было ли так потому, что я вечно пыталась найти отца, которого у меня не было, пыталась найти семью, которой до меня не было дела?

Мне было всего два года, когда отец ушел от нас, чтобы начать жизнь с чистого листа. Я на него не в обиде. Чтобы обижаться на человека, нужно его любить, нужно знать, каким он был прежде и каким стал. А у меня не сохранилось о нем ни одного воспоминания. Всего-навсего несколько фотографий, на которых незнакомец с грубым лицом, кажется, уже обдумывает свой уход. Но зато я в обиде на мать – за то, что она столько места и времени в нашей жизни отдала этому незнакомцу. Она постоянно молчаливо замыкалась или рыдала и билась в истерике, а мы с сестрой Амандиной избегали ее в эти моменты и прятались по своим комнатам. Амандина учила уроки, я читала книги.

Школа мало для меня значила и мало чему научила. Я была не слишком красива, одноклассники мной не очень-то интересовались. Их взгляды бегло скользили по моему лицу, и я не успевала прочесть в них какого-нибудь выраженного отношения, какого-то суждения, способного объяснить мне, кто я такая и чего стою.

Я росла, представляя себя другим человеком в другой жизни. Не той, ранимой и незаметной, краснеющей девчушкой, которой была в настоящем. Нет, мои мысли путешествовали по другим мирам, в основном в будущем, где со мной происходили всякие замечательные истории. Я жила в другом доме, с другой матерью и сестрой. Иногда с отцом. Но чаще всего в мечтах я оказывалась рядом с прекрасным принцем, он любил меня, и слова его ласкали мою душу, руки его следовали линиям моего тела, губы учили наизусть черты моего лица.

От юности в памяти остались только бесконечные мечты и череда каких-то нелепых событий.

Мои самые давние воспоминания застают меня у себя в комнате – в осажденном бастионе, где я скрываюсь от истерички-матери и сердитой, вечно злящейся на меня сестры. В руке у меня книга. Роман о любви. Одинокая юная девушка, одинокий юный красавец, любовь с первого взгляда... Глаза мои бегают по строчкам, я вся дрожу, я тихо улыбаюсь. Я счастлива.

Говоря иначе, я с самых ранних лет купалась в теплых розовых волнах слащавого романтизма, который вдосталь насыщал меня призрачным счастьем, но при этом мучил мой рассудок и загромождал воображение химерами.

Вступив в юношескую пору, я отыгралась. Я изменилась внешне, внезапно превратившись в очень привлекательную девушку. Взгляды молодых людей стали задерживаться на мне с интересом. Тогда я поняла, что существую в реальности. И тут же сочла огонь, что загорелся в их глазах, выражением любви, почти признанием. Хотя на самом деле это было всего лишь вожделение, влечение юных самцов. Они смотрели на меня как на добычу, которую нужно завоевать. На легкую добычу, только и ожидающую, чтобы ее завоевали. Наивную девушку, которую легко очаровать, соблазнить и которую так же легко, без сожалений и раздумий, можно покинуть. Девушки ненавидели меня за то, что я была хороша собой и при этом так доступна, а мужчины не высоко ставили, но я все никак не могла отказаться от представления, что каждый заинтересованный взгляд вызывала моя неповторимая индивидуальность, и ничто иное.

Я с упорством утопающего, цепляющегося за соломинку, держалась за эту идею.

Разочарования ничему меня не учили. Если приятель бросал меня, я винила во всем себя самое. Это я была глупа, неостроумна и недостаточно красива, чтобы его удержать. Конечно, я сгущаю краски. Некоторые мои дружки привязывались ко мне сильнее, чем остальные. И я любила их за это еще больше. Но всем я в конце концов надоедала. Надо сказать, со мной было не больно-то весело. Восторженная, пристающая, способная задушить своей любовью девушка – в наше-то время, когда в моде цинизм, раскованность и свободные отношения! Что нужно сказать мужчине, чтобы заинтересовать его? О чем говорить с ним, чтобы он не соскучился? Я обходилась тем, что бросалась им на шею, улыбалась их шуткам, потворствовала их прихотям. В объятиях мужчин я словно путешествовала по волнам, даже если знала, что на следующей пристани меня высадят.

Я решила избрать профессию медсестры и поступила в школу на улице Рейи, в двенадцатом округе. Переехала в общежитие. Студенческая жизнь мне нравилась. Я чувствовала, как превращаюсь в настоящую женщину, живую и свободную, как становлюсь хозяйкой своей жизни. Двенадцатиметровая комната может показаться огромной, если дверь из нее открывается в жизнь.

В этом самом студенческом общежитии я познакомилась с Эльзой. Она училась на косметичку, оканчивала последний курс. Эльза, кругленькая, подвижная маленькая блондинка, была взбалмошной, остроумной и улыбочивой, порой ее веселье било через край, и это слегка утомляло. Она считала, что толстовата и простовата, поэтому старалась скрасить эти недостатки с помощью сексапильных одеяний и слишком яркого макияжа. Мне она казалась хорошенькой, очаровательной и милой. Но мужчины обращали внимание лишь на то, что она хотела показать. Она говорила, что завидует моей стройной фигуре, глазам и улыбке, и ругала за неумение этим пользоваться. Я позволяла ей хлопотать над моей внешностью, делать мне прически, наряжать и красить – но без свойственных ей излишеств.

Как и я, она хотела быть любимой, как и мне, ей вечно не везло, и это постепенно скрепило нашу дружбу. В конце концов мы решили уехать из общежития и снять на двоих маленькую квартиру.

Первое время мы постоянно развлекались. Эльза приехала из провинции, ее манила столичная жизнь, хотелось везде побывать, все посмотреть, повеселиться на всех праздниках, познакомиться со всеми мужчинами. Она-то рассматривала эту череду приключений как восхождение к успеху, доказательство собственной неотразимости и обещание светлого будущего, а что касается меня, то каждый новый неудачный роман словно разрушал какой-то краешек мечты, лишал меня сил любить дальше.

Амандина ушла из дома спустя несколько месяцев после меня. Она познакомилась с управляющим какой-то фирмы и уехала с ним на другой конец Франции. Она звонила мне каждую субботу во второй половине дня, в одно и то же время, рассказывала о своей квартире, о работе в администрации, о том, что хочет ребенка. Затем, чтобы полней почувствовать удовлетворение от своих успехов, она принималась копаться в моей жизни, как плохой полицейский обыскивает цыганский притон – с презрительной, брезгливой иронией. Ее настырные вопросы вскрывали подноготную моих жизненных устоев: будущая работа несовместима с семейной жизнью, подружки – легкомысленные оторвы, любовники задерживаются ненадолго и вообще гнусные типы, а сама я совершенно безответственная. Мать я навещала раз в месяц. И с каждым разом она казалась мне все слабее, дряхлее и меньше ростом. И все более унылой, ведь теперь она потеряла еще и дочерей. Зато, когда я появлялась, она гораздо сильнее проявляла любовь ко мне. Нужно было уйти из дома, чтобы она наконец обратила на меня внимание.

Я попала на стажировку в отделение «Скорой помощи» больницы «Некер».

Для меня больница всегда была и до сих пор остается странным и таинственным, почти волшебным местом, где пространство опережает время, а слово «жизнь» приобретает первоначальный смысл, обнажающий ценности и приоритеты. Ритм здесь тоже иной, чем в повседневной жизни, движения более плавные, шаги мягче, звуки словно приглушенные. Каждый ощущает невероятный накал чувств, осознает, насколько высоки здесь ставки – на кону человеческая жизнь. Человеческие трагедии придают существованию смысл, сплывают семьи, оживляют забытые чувства. Страх изгоняет все напускное и неискреннее, срывает маски, и каждый становится тем, что есть на самом деле: человеческим существом, чувствующим, насколько неуверенно горит в нем огонек жизни, насколько близко он от финальной черты. В этом наполненном мукой закрытом пространстве медицинская сестра оказывается ангелом, который перелетает от постели к постели, облегчает боль, успокаивает, утешает. Со всех кроватей за ней следят внимательные глаза, ловят каждое ее слово, ее улыбку, пытаются прочесть в них свое будущее.

Эта власть сделала меня сильной. Впервые я ощутила себя в центре настоящей жизни, почувствовала себя важной и нужной людям. Мне нравилось облегчать боль, нравилось утешать и успокаивать. Работа захватила меня. Я выслеживала радостные проблески жизни, любящие взгляды сына на мать, мужа на жену, ласковые улыбки детей, обращенные к дрожащим от страха родителям.

Я целиком отдавалась работе, она стала моей страстью. И я забыла про любовь – то поле, на котором я никак не могла выиграть. Утратила – к большому огорчению Эльзы – интерес к развлечениям и свободное время отдавала чтению.

Наконец-то я, казалось, обрела покой, и длилось это состояние много месяцев. Пока не появился Лука.

Иона

Наутро после того, как мне приснился первый сон, я долго лежал в кровати и думал. Рылся в памяти, пытаюсь оживить образ девушки, но лицо ее словно спряталось от меня, скрылось в складках ночи.

– Что с тобой? – спросила мать, когда я наконец вышел на кухню.

– Да все нормально, – буркнул я в ответ.

Она обменялась быстрым взглядом с отцом, словно делясь с ним недоумением. Но он только пристально посмотрел мне в глаза. У меня дома молчание порой значило больше, чем самый пристрастный допрос.

– Просто приснился странный сон, – признался я.

Мать облегченно вздохнула, узнав, какая ерунда меня заботит, отец отхлебнул кофе.

– Мы с твоим отцом едем сегодня навестить друзей, – объявила она, чтобы поскорей сменить столь пустую и ничтожную тему.

С тех пор как папа вышел на пенсию, мама неустанно приискивала занятия, которые могли скрасить его досуг. Таскала его на выставки, в кино, возила во всевозможные «преlestные уголки», подтягивала друзей и знакомых, с которыми можно было бы приятно провести время. Отец на все соглашался. Ему нужны были какие-то новые ориентиры, он искал смысла в своей внезапной бездеятельности и доверялся жене, надеясь, что она поможет этот смысл найти.

Я, как обычно, опаздывал на работу. Метнулся к двери, затем вернулся, чтобы поцеловать родителей. Мама ласково погладила меня по щеке. Я крепко обнял ее и потом попрощался с отцом.

Весь день сон не шел у меня из головы. Я тосковал, меня томила какая-то неясная тревога. После работы, встретившись с Жошем и Хлоей в «Итальянском кафе», я засомневался, стоит ли делиться с ними своими мыслями. Я не очень-то склонен к откровениям, хотя эти двое – мои единственные настоящие друзья. По моему убеждению, все обстоятельства и события, связанные с любовью, дружбой и сексом, нужно переживать и обдумывать в одиночестве, это неотъемлемое свойство таких переживаний. Рассказав их кому-то, ты совершаешь предательство. Предаешь и себя, и другого человека, к тому же выплескиваешь в никуда все богатство сопутствующих ощущений и эмоций.

Жош поселился на нашем этаже три года назад и превратил свою двухкомнатную квартиру в мультимедийную студию. Жош был типичный программист: скрытный, замкнутый, социально не адаптированный, свободно общаться он мог в основном с помощью клавиатуры своего компьютера, а в реальной жизни изъяснялся жестами, междометиями и расхожими фразами, ритмом напоминающими цифровые коды, которыми он виртуозно пользовался в виртуальной реальности. Казалось, что он просыпается и живет полной жизнью, лишь прикинув к экрану компьютера – он проводил так пятнадцать часов в сутки. Когда же он отлипал от экрана и выходил во внешний мир, вид его не слишком располагал к знакомству: кому понравится длинноволосый мрачный тип, расхлябанный и растрепанный, с недоверчивым взглядом сонных глаз. Мы с Хлоей были, пожалуй, его единственной связью с внешним миром – а по словам Хлои, и последним препятствием на пути к аутизму.

Но мне нравилось, что он так молчалив и нерешителен, что каждое его слово в разговоре кажется обдуманым и взвешенным. Мы были слеплены из одного теста. Из такого делают молчунов, угрюмцев и социопатов.

Хлоя была полной его противоположностью. Это была единственная девушка, для которой выражение «останемся друзьями», произнесенное во время разрыва в качестве некой паллиативной меры, предназначенной смягчить горечь расставания, обрело свой истинный смысл.

Я познакомился с ней в университете. Волны длинных темных волос и зовущий взгляд темных глаз танцовщицы фламенко вмиг увлекли меня. Эта яркая, живая девушка, общительная и раскованная, не лезла за словом в карман и зачаровывала в университетском кафе многочисленных слушателей долгими тирадами, не стесняясь при этом в выражениях. Это не могло не привлечь моего внимания. В ней было все, чего не было во мне, и я решил, что она примирит меня с окружающим миром, станет мостиком между островком моего одиночества и бурлящим человеческим муравейником.

Мы были вместе месяца три. Мне они показались приятными, она, как призналась потом, чувствовала себя неважно. Если быть точным, одиннадцать недель я таскался за ней по выставкам и галереям, театрам и студенческим демонстрациям, стараясь подстроиться к бешеному ритму ее жизни. Я и не подозревал, что дни могут быть заполнены таким количеством разнообразных действий. Впрочем, она быстро поняла, что я всего лишь доброжелательный спутник, а большего от меня не добьешься, и решила со мной расстаться. Но, поскольку за время романа мы обнаружили некое родство душ, видеться мы не перестали. Со временем наша дружба только окрепла.

Хлоя опекала нас, ее умиляла наша наивность, ужасало наше нежелание взрослеть (в том смысле, который она вкладывала в это слово). Она считала, что мои неудачи с женщинами свидетельствуют о хронической незрелости, что они – следствие психологической проблемы, с которой мне следует разобраться.

«Ты бы вполне мог пользоваться преимуществами своей внешности и менять девушек как перчатки, но ведь тебя не интересуют амурные победы. При этом тебя вроде не назовешь робким и страстным романтиком. В общем, никак не могу понять, что же у тебя за отношения с женщинами. Почему бы тебе не попытаться обратить внимание на девушек вокруг? Ведь каждая интрижка бывает по-своему чудесна». – «Каждая женщина – целый континент, неисследованная земля, а я не люблю путешествовать», – усмеялся я в ответ. «Фигня какая! На самом деле ты просто сам не знаешь, чего хочешь!» – «Неправда: все потому, что я слишком хорошо знаю, что не смогу дать ничего хорошего девушке, которая со мной свяжется».

Жош явно был неравнодушен к Хлое. Он никогда ничего не говорил на эту тему, но исподволь бросал на нее быстрые взгляды, которые нетрудно было истолковать. Думаю, дружеские отношения его тяготили, ведь с каждым днем надежда на осуществление желаний становилась все призрачней. Если бы он сумел как-то выказать свои чувства, он не преминул бы это сделать. Но, увы, он умел только слушать и преданно ждать. Хлоя говорила много, очень много, словно хотела занять словами все свободное пространство, которое оставляли мы с Жошем.

В этот день мы сидели в «Итальянском кафе». Я подождал, когда Хлоя доскажет анекдот, и, решившись наконец открыться друзьям, разом выложил им свой сон и все охватившие меня чувства – так, с нахрапа, было проще побороть робость и привлечь внимание Хлои.

Когда я закончил, Жош опустил глаза – его определенно смутило то, что обычная дружеская болтовня вдруг обернулась такими неожиданными откровениями. Хлою явно удивил мой рассказ, но у нее, как всегда, на все было свое мнение.

– Мать твою, что за кретинский сон?! – воскликнула она. – Ты меня пугаешь, Иона Ланкри.

– Я уже начинаю жалеть, что разоткровенничался. Просто скажи, что ты об этом думаешь?

– Что я думаю? Крышу у тебя рвет, Иона. Сам не понимаешь, что несешь!

– Ну а поконкретнее?

– Да все ясно как день! Ты страдаешь от эмоционального голода, поэтому во сне и появилась эта девушка. Это своего рода сигнал тревоги, который посылает подсознание: «Необходимо срочно задействовать эмоциональный потенциал, не то начнется депрессия». Когда у тебя в последний раз были какие-то серьезные отношения с девушкой?

– Как-то ничего не было после Лоранны.

– Я имею в виду серьезные отношения с настоящей женщиной, а не шашни с мокрощелкой!

– Знаю, знаю, она тебе не нравилась, – покорно ответил я.

Она пожала плечами. Ни одна из моих редких любовных побед не удостоилась ее одобрения. Она принимала моих избранниц с восторгом, шумно радовалась, что у меня наконец кто-то появился, потом сжимала в кольцо своих объятий так, что они, задыхаясь, едва уносили ноги. Думаю, больше всего она боялась, чтобы кто-нибудь из них не преуспел там, где она потерпела поражение.

– И кстати, как ты можешь говорить, что испытал любовное чувство, когда проснулся: ты ведь и знать не знаешь, что такое любовь?

– Ладно, забудь! – раздраженно воскликнул я. – Я рассказал вам сон, потому что он показался мне необычным и загадочным. И уже жалею об этом.

Хлоя тотчас раскаялась и пожалела о своей резкости.

– Ну хорошо, хорошо. Тогда вот такой вопрос: по каким признакам ты заключил, что испытанное тобой чувство было именно любовью?

Я на мгновение заколебался, но желание убедить их в своей искренности было таким сильным, что я решился приоткрыться еще:

– Я уже был влюблен. Один раз.

Хлоя и Жош выпучили на меня глаза и раскрыли рты, словно в немом крике.

– Мать твою! Он решил нас побаловать своими откровениями! – взвыла Хлоя.

– Мне было пятнадцать лет.

Хлоя порывисто вздохнула и закатила глаза. Жош едва заметно улыбнулся.

– Пятнадцать лет! Нет, Ланкри, ты безнадежен.

– Влюбиться в пятнадцать лет – это ведь нечто! – упорствовал я. – В этом возрасте любишь всем сердцем.

– Да, несомненно, – признала Хлоя, отхлебнув соку. – Ну, рассказывай! – великодушно разрешила она.

Я призадумался, собирая воедино воспоминания, и они послушно выстроились в ряд, словно все было только вчера.

Действительно, я пережил самую жестокую, самую могучую страсть, которая только может охватить юнца, неопытного, неуправляемого и неспособного к самовыражению. Любовь такой силы, какую может породить лишь юность, лишь эта пора бунтарства и отчаяния, когда невозможно провести грань между невинностью и пороком. Ее звали Милена. То была нежная, скромная девушка. Я целыми днями любовался ею, мечтал о ней ночи напролет. Чувства были так сильны, что сковывали меня, я был буквально парализован и не решался ни подойти к ней, ни заговорить. Как возможно высказать настолько важную, огромную для тебя вещь, перевернувшую все твоё существование, приподнявшую тебя высоко над реальностью? Я написал стихотворение, украдкой сунул ей листок. Она прочла, покраснела, сложила бумажку и убрала в карман, а потом – потом ничего. Она не смотрела в мою сторону, стала меня избегать. Так было до конца учебного года. Затем начались каникулы, мы уехали в разные стороны и с тех пор ни разу друг друга не видели.

Хлоя огорченно сморщилась и спросила:

– И это все?

– Да.

– Прямо скажем, не густо... Платоническая любовь?

– Почему? Истинная любовь, самая что ни на есть настоящая...

– И платоническая!

Я закусил губы, проклиная собственную болтливость.

– Отсюда твоя неспособность любить. Разве не принято считать, что первая любовь задает тон всем последующим? – усмехнулась она.

– А я вот понимаю Иону, – обронил Жош.

– Надо же! Ты тоже, значит, бывал когда-то влюблен? – с удивлением спросила Хлоя.

По лицу Жоша словно рябь пробежала. Выражения удивления, паники, сомнения, понимания, озабоченности сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой. Потом его внутренний сервер дал сбой, и лицо расслабилось, утратив вообще всякое выражение.

– Мое дело – спросить, – улыбнулась Хлоя. – Впрочем, хорошенького понемножку: две исповеди за один вечер – явный перебор.

Жош смотрел куда-то вдаль.

– Влюбиться в девушку из сна – такое же неблагоприятное дело, как влюбиться в девушку, с которой не смеешь заговорить. Будь бдителен, Иона. Может, ты потому и решил назвать это любовью, что хочешь подсознательно оправдать себя и свое бездействие.

– Да, звучит логично, может, все так и есть. Однако я знаю, что чувства во сне и после сна были сильными и ощущения очень яркими. И к тому же... я уверен, что она существует на самом деле!

Хлоя схватила за голову:

– Мать твою! Быть не может! Надеюсь, ты шутишь? Ты не в курсе, что, когда человек путает сны и реальность, это диагноз? Ты не будешь загадкой для психиатра, дружище.

– Повторяю, я в этом уверен, Хлоя, – обиженно настаивал я. – Она существует. Ну, может быть, не совсем она, но девушка, к которой я могу испытывать настолько же сильные чувства.

– Я между вами чувствую себя так, словно меня зажали в клещи. С одной стороны – чокнутый компьютерщик, уверенный, что виртуальные персонажи в Сети – настоящие друзья, с другой стороны – эмоциональный калека, который считает, что существа из его снов существуют на самом деле.

В этот момент зазвонил телефон. Я быстро снял трубку, довольный, что могу ускользнуть от разговора, который явно и неотвратимо замыкался на моей скромной персоне.

– Мсье Ланкри? Вас беспокоят из Национальной полиции.

Я удивился и насторожился.

– Ваши родители попали в автокатастрофу.

– Родители? – пролепетал я. – Но... что с ними?

– Я ничего больше не могу сказать вам по телефону. Жду вас в комиссариате.

Я все понял.

Они мертвы. Убились.

Убить.

Вот что прошептала мне девушка во сне.

«Убить», а не «любить».

Машина заскользила на льду, потеряла управление и врезалась в дерево. «Они умерли на месте», – сказал мне полицейский, видимо, желая меня утешить. Но моим единственным утешением было то, что они ушли вместе, что ни один не оставил другого наедине с горечью утраты. И я знал, что они успели подумать перед смертью – их последняя мысль была обо мне.

Я замкнулся в молчании, не мог даже плакать.

Моя вселенная взорвалась, и я, как одинокая планета, летел в пустом холодном космосе. Потерял свои полюса, утратил вехи и ориентиры, лишился источника постоянной любви. Один, покинутый, один во вселенной. Слез не было. Один, всеми покинутый и готовый взорваться от переполняющих меня слов, которые когда-то не сказал родителям и никогда уже больше не произнесу.

Я взял месяц отпуска и закрылся дома.

Я слонялся по квартире, так утекали часы и дни, в голове царила совершеннейшая пустота. Отказывал всем, кто хотел ко мне прийти, совершенно запустил себя и ел лишь тогда, когда организм уже не мог справиться без еды. Я потерял почву под ногами и утратил способность к рассуждению. Мысли мои, порой бредовые, бессмысленно пролетали в голове, я разговаривал сам с собой, обращаясь к матери, к отцу, к себе с непонятными, бессвязными речами. Прошрое распалось на молекулы, в настоящем была лишь боль, а будущее, если оно вообще существовало, ужасало меня.

Лиор

Лука работал анестезиологом. Он был на десять лет старше меня, не красавец, не особенно обаятельный, ничего интересного. Сначала казалось – типичный коллега, такой как все: вскользь поздороваться, перекинуться парой слов о пациентах, выпить чашечку кофе в комнате отдыха. Но что-то в его поведении меня заинтересовало. Он работал методично, не выказывая больным никакой особенной привязанности – лишь профессиональное уважение. Он мало говорил, редко примыкал к каким-либо компаниям, собирающимся на работе в редкие моменты затишья. Казалось, он наблюдает за миром и особенно за мной. Его глаза не выпускали меня из виду, я часто чувствовала на себе его спокойный, но настойчивый взгляд. Он ласково мне улыбался, с любопытством прислушивался к моим разговорам с пациентами. Удивлялся моей самоотверженности и пытался понять ее мотивы.

– Не принимай ты все так близко к сердцу, – как-то сказал он мне, забыв о своей обычной сдержанности и отстраненности.

– Не могу иначе, – тем не менее ответила я с вызовом.

– Сама себя сожрешь, – предупредил он.

– Не получается быть такой же равнодушной, как ты.

– Я не равнодушный. Я профессионал. Я знаю свои пределы и за них никогда не захожу.

– Может, за твоим суровым взглядом прячется нежная, ранимая душа? – пошутила я.

– Без души здесь вообще делать нечего. Но она долго не выдержит, если ее не беречь.

– Это точно, я чувствую, что черствую, привыкаю, и это мне вовсе не нравится.

– Это нормальная реакция организма, попытка сохранить душевное здоровье. Она не зависит от тебя, потому что твои естественные стремления ведут к гибели.

– Я не хочу превращаться в холодную, отстраненную профессионалку.

– Если ты будешь профессионалкой, то всегда будешь правильно выполнять свою работу, ту самую, за которую тебе платят.

– Безо всякой страсти?

– А страсть тебе следует поискать в другом месте, – парировал он невозмутимо, словно радуясь, что нашел мое слабое место.

Может, он был и прав. Я всю душу, все чувства вкладывала в работу, потому что не знала, куда их еще девать. Взгляд Луки безмолвно предлагал наконец применить их по назначению. Ни любви, ни нежности не было в этом взгляде, но он был честным и открытым, и я видела в нем себя как на ладони: уязвимая, измотанная и все же весьма привлекательная девушка.

После этого разговора мы как-то сами собой стали часто оказываться вместе возле кофемашины. Говорили сперва о пациентах, а потом и о собственной жизни, о наших пристрастиях и вкусах. Он рассказывал мне о спектаклях и фильмах, о ресторанах и кафе, и я постепенно осознала, что упускаю множество простых человеческих радостей, что жизнь проходит мимо. Лука переживал в этот момент развод с женой. Разводились они по обоюдному согласию, как взрослые люди, продумав и обсудив свое решение. Дети, по его словам, тоже уже смирились с неизбежным.

Мне было с ним спокойно и легко; его внутренняя зрелость вселяла в меня чувство уверенности, а внимание волновало и льстило. Он пригласил меня на ужин, потом еще раз... Он приближался ко мне тихо и осторожно, как к раненому воробышку: лишь бы не спугнуть, а то ведь вспорхнет и улетит.

Мы стали любовниками. Не возлюбленными, нет, всего лишь любовниками, парой... Попутчиками? Не знаю, как определить эти отношения, связывающие наши тела и наши мысли, в то время как сердца оставались в покое. Мне было хорошо с ним. Мне нравились

наши походы в кино, театры и музеи, нравилось, как он рассуждал о фильмах, картинах или скульптурах. Медленно, но верно я привязывалась к нему все сильнее.

Потом однажды, спустя восемь месяцев после нашей встречи, он предложил: давай жить вместе. Он собирался съехать из дома и снять квартиру и предложил мне переехать к нему со всеми вещами, планами и надеждами.

Возможна ли совместная жизнь без любви? Возможно ли превратить жизнь в уравнение без единого неизвестного?

– Да ты с ума сошла! – немедленно возмутилась Эльза. – Разве можно жить вместе с... приятелем?

– Мы же спим с ним.

– Ох, избавь меня от таких замечаний, у меня слишком богатое воображение: как представлю, что вы с ним это самое... фууу! Да он же некрасивый, этот хрен! И мне он кажется подозрительным, пресыщенный вид, жесткий взгляд... Похож на доктора Хауса, только не смешной и совсем не обаятельный.

– Я себя хорошо с ним чувствую, – попыталась объяснить я. – Он спокойный, уважает меня, лечит мои душевные раны.

– Вот точно так же я бы описала своего массажиста. Тем не менее я не собираюсь за него замуж.

– Речь ведь не идет о браке. Просто будем жить в одной квартире.

– Но ведь именно это мы с тобой и делаем! И я уж точно больше и лучше тебя люблю, чем он. Ну, если не считать секса...

Вдруг она порывисто обняла меня за плечи.

– Жить с человеком, которого не любишь... да это невысказано, Лиор! – торжественно и серьезно изрекла она. – Это как покупать одежду, на которую скидка, зная, что в жизни ее не наденешь. Это как смотреть телепередачу, которую терпеть не можешь, потому что лень встать и найти, куда же запропастился этот долбаный пульт. Подумай обо всем, что мы пережили вместе, о наших надеждах, о наших мечтах... Подумай о том, что для нас обоих всегда значило слово «любовь».

За ее неуклюжими предостережениями и плоскими шуточками пряталась правда, которую я не хотела признавать. Сама идея жить с мужчиной наполняла меня восторгом, этого было достаточно. Мне казалось, что речь идет о решающем моменте, от которого зависит вся моя дальнейшая судьба. Зависит, какой я буду женой и матерью. Я была счастлива представить себя в роли спутницы чьей-то жизни. Я даже предполагала, что в один прекрасный день он захочет от меня ребенка.

Мы подыскали квартиру, обошли кучу магазинов, чтобы обставить ее и украсить. Я уже начала подготовку к переезду, как вдруг он зашел ко мне – без звонка, без предупреждения. Я радостно устремилась ему навстречу, лавируя между коробками, возбужденная, слегка растерянная. На его суровом, грубоватом лице проступала озабоченность. Я хотела обнять его, но он отодвинул меня.

– Она беременна.

Я застыла в молчании, ожидая еще каких-то слов, чтобы убедиться, что правильно слышала.

– Она ждет ребенка... от меня.

На меня словно небо обрушилось – и при этом я испытывала странное смирение. Словно бы длинная череда моих любовных неудач предполагала именно такой исход.

– Да, я понимаю, о чем ты думаешь, – сказал он. – Да, мы занимались любовью. Она все-таки моя жена, в конце-то концов.

Я села на коробку, потому что ноги меня не держали.

– Я не могу бросить ее, Лиор. Не сейчас.

Кажется, потом он извинился или что-то такое. Я не уверена, потому что я больше не слышала, что он говорил. И не видела, как он уходил. Не слышала, как вошла Эльза. Я плакала, вся сотрясаясь от рыданий. Эльза отвела меня в постель, легла рядом, обняла.

– Не плачь, родная моя. Справимся. Ты отойдешь, успокоишься и когда-нибудь получишь право на свою любовь. Я точно знаю, я в этом убеждена. Появится парень, красивый, честный и добрый. И если у него будет брат-близнец, я выйду за него замуж.

-3-

Любовь – это выход

Иона

Второй сон

Кошмар. Меня преследует один и тот же кошмар. Он снится мне каждую ночь с того дня, как погибли родители. Безмолвную темноту пронзает визг тормозов, родители держатся за руки, улыбаются друг другу, с нежностью смотрят на меня. Потом удар, крутятся мигалки, назойливо воют сирены.

Обычно на этом месте я просыпался в холодном поту, но на сей раз звуки стали глуше, краски более смазанными, а потом и вовсе растаяли струйками белого пара.

И передо мной появилась комната.

Я оказался на том же самом месте, что и в первом сне, и смотрел на ту же девушку. Она по-прежнему лежала на кровати. В комнате царили спокойствие и безмятежность, но я никакого покоя не ощутил. Наша первая встреча, помнил я во сне, не только вызвала у меня чувство влюбленности, но и предрекла драму, совершенно уничтожившую меня.

Что она еще собирается мне предсказать? Я пытался выйти из комнаты, выскользнуть из сна, но помимо своей воли как вкопанный стоял, не в состоянии сдвинуться с места, и ждал, когда же она меня заметит.

Она, не глядя на меня, протянула руку и взяла книгу. Открыла ее и шепотом прочитала несколько строк, так тихо, что я не сумел ничего расслышать.

Потом я увидел ее улыбку. Радостную, лучезарную, счастливую улыбку.

От этой удивительной улыбки мне захотелось броситься к девушке, обнять ее, радоваться вместе с ней.

Она тогда, по-прежнему не глядя в мою сторону, протянула мне книгу и прошептала одно слово: «пиши». Я хотел взять ее – и проснулся, пальцы схватили только воздух в темной комнате.

На сей раз идея была ясна. «Она хочет, чтобы я начал писать!» – подумал я, проснувшись. Она посоветовала мне с помощью слов снять с души тяжкий груз несчастья. Нет, я ошибался: она всего лишь пробудила мое собственное подспудное желание. Писательство как способ разрядки, как отдушина, как единственный способ выразить свои чувства – как в детстве. Внезапно эта идея захватила меня. Но о чем писать? Нужно просто обратиться к родителям, решил я. Выплеснуть всю свою любовь, всю боль и одиночество. Открыть чистую тетрадь и надеяться, что они появятся, что они прочтут мои слова, заглядывая мне через плечо. Но ручка застыла над белым листом. Рука дрожала, потоки слез смывали строчки. Слезы лились ручьем. Я понял, что мне нужно отстраниться от себя, от собственной жизни, от своих привычек: лишь тогда удастся что-то написать. Роман будет, конечно, обо мне, но не я буду его героем. Нужно суметь, черпая из источника собственных чувств, высказать их через вымышленных персонажей, оживить чужую придуманную историю.

И никаких тетрадок. Тетрадки – наследие прошлого, эта традиция уже утрачена. И тогда я включил компьютер и взгляделся в светящийся экран, надеясь увидеть своих персонажей. Они появились тотчас же, точно только и ждали, прячась в недрах подсознания, что я приду и позову их. И тут же они соткали мне основу той истории, которую я должен был рассказать. Историю женщины, изнывающей от одиночества, которая постепенно сходит с ума, начинает

жить в вымышленном мире, беседует с невидимыми существами. Мужчина, которого она расстрогала своей красотой и необычностью, постепенно входит в ее жизнь, открывает двери ее дома, сопровождает ее в прогулках, пьет с ней чай, слушает ее странные истории, надеясь пробиться сквозь завесу ее безумия.

Я был просто-таки опьянен ощущениями, которые давал мне этот новый способ писательства. Когда я писал в тетради, каждое слово было как бросок в будущее. Я не имел права вымарать строчку или вырвать лист, каждую фразу следовало продумать и взвесить, прежде чем доверять ее бумаге. Я хотел, чтобы написанное мною было прекрасно как по содержанию, так и по форме, хотел двигаться вперед без терзаний и сомнений. А теперь с помощью клавиатуры и экрана я мог начинать вновь и вновь, мог возвращаться назад, стирать, менять местами фразы, рождая на виртуальных страницах такую историю, какую хотел. Не было ни прошлого, ни будущего. Только сам момент писательства, наслаждение творчеством, упоение возможностью укротить время, отказавшись от него. Я очутился в пространстве, где чувствовать означало творить, где боль становилась инструментом, а любовь превращалась в иллюзию, и ни в одной точке этого пространства машины не попадали в аварии, заскользив на льду.

Они решительным шагом вошли в квартиру, требовательно взглянули мне в глаза, внимательно оглядели комнату в поисках улики.

– Что тут за бардак? – воскликнула Хлоя с привычной иронией в голосе.

Я окинул помещение беглым взглядом.

– Давно не убирал, вот и все.

– Я вовсе не об этом. Ну, вернее, не только об этом, – уточнила она, сморщившись при виде царящих вокруг грязи и беспорядка. – Почему ты закрылся и ото всех спрятался? Почему не открываешь Жошу, когда он звонит?

– Как это? – Я изобразил удивление.

– А так! Жош ломился к тебе несколько раз.

– Почти каждый день, – лаконично подтвердил Жош, устраиваясь в своем любимом кресле.

– Я не слышал.

– А я звонила десятки раз! – добавила Хлоя.

– Мне не хотелось подходить к телефону, – признался я.

– Что с тобой творится, Иона? – обеспокоенно спросила Хлоя.

– Что со мной... – повторил я, пытаюсь протянуть время, чтобы обдумать ответ. – Я пишу.

– Пишешь?

– Да. Целыми днями пишу, – ответил я, показывая на компьютер, стоящий на столе в столовой.

Она помолчала, пытаюсь понять, насколько правдоподобно мое объяснение и как обстоят дела с моим душевным здоровьем.

– И что же ты пишешь?

Я вдруг ужасно застеснялся. Сказать ей, что пишу роман, – глядишь, решит, что я принимаю себя за писателя.

– Ну так, одну штуку, – выкрутился я. – Просто историю. Ничего интересного, но зато я хоть чем-то занят.

– Что за фигня! Мы же за тебя волнуемся, Иона! Уже предполагали самое худшее!

– Ну например?

– Ладно, проехали. Худшее, значит, худшее. И давно ты стал писать?

– Я всю жизнь писал.

– Ты всю жизнь писал, а я об этом даже не подозревала? Гениально! Да, дружба так дружба, можно сказать, высокие отношения...

– Ну, на самом деле я писал в основном в детстве. Но когда опять за это взялся, почувствовал, что вроде никогда и не переставал.

– Ясно как день! – усмехнулась она. – Ну ладно, ни с того ни с сего тебя охватило желание писать, и ты занимаешься этим с утра до вечера? До такой степени, что не открываешь дверь, не отвечаешь на телефон и разводишь вокруг себя невероятный срач?

– Вот мне так захотелось, – пробормотал я уже почти виновато.

– Ты что-то от нас скрываешь, Иона.

Мне не хотелось им рассказывать, каким образом я решился на подобную авантюру. Если вновь заговорить с ними о сне, Хлоя меня со свету сживет насмешками. Но я чувствовал, что ужасно устал. Что одиночество и долгие часы в мире иллюзий измучили меня. Мне необходимо было вновь укорениться в реальности. Даже если придется подставиться под град насмешек и вопросов по поводу моего психического здоровья.

– Она опять мне снилась.

– Кто она?

– Та, что появилась накануне... катастрофы, – ответил за меня Жош.

Кивком я подтвердил, что он прав.

И заметил, как Хлоя сморщилась.

– Ну и?

– Она попросила меня начать писать, – небрежно бросил я.

– Она попросила тебя начать писать? – повторила она изумленно.

– Ну не совсем так.

Я рассказал свой сон и мысли, посетившие меня поутру.

– Ну, в итоге получается, что она не просила тебя писать, Иона. Ты сам решил начать писать. Послушай, Иона, мне не слишком-то нравится, как ты реагируешь на смерть родителей. Давай рассмотрим всю ситуацию беспристрастно. Прежде всего вещей снов не бывает. Девушка, которую ты видел во сне, не предсказала смерть твоих родителей. Тебе же сначала показалось, что она сказала «любить», так ведь? Только потом ты переписал в голове всю историю. Согласен?

– Я согласен. Но в любом случае это меня взволновало.

– Это тебя взволновало, потому что ты сам так захотел. Такая же история со вторым сном. Можно предположить, что у тебя возникло желание писать, которое она подтвердила во сне. Так уж устроен мозг, Иона! Он по-своему интерпретирует наши желания. Он не предсказывает будущее, он просто пытается обезвредить наши самые неприятные тревоги и заботы.

– Ладно, ладно. Не кипятись. Я все это знаю. И я не сумасшедший! Ну, может, слегка тронулся... но не сошел с ума, это точно.

– По-моему, ты в пограничном состоянии.

Она встала, явно слегка успокоившись:

– Ну что, сварим кофейку?

Мы послушно пошли за ней на кухню.

– Ну так что? Когда ты собираешься выйти на работу?

– Я взял еще неделю отпуска и по идее должен появиться там через три дня. Но я собираюсь уволиться.

Она резко обернулась ко мне:

– Ты что, шутишь?

– Нисколько. Я думаю, сейчас самый подходящий момент, чтобы с этим покончить и заняться чем-то другим.

– И чем же, например?

– Пока не знаю. Но я точно не чувствую в себе смелости вернуться в контору. Хочется очень много вещей поменять в жизни. И для начала очень неплохо будет сменить работу.

За последние дни я много об этом думал. Чувствовал, что не смогу вновь безболезненно войти в прежнюю реальность, когда родителей уже нет, не смогу возобновить прежние привычки, не смогу торчать за тем же рабочим столом в редакции, отсиживая положенные часы, и ходить обедать с коллегами. Я хотел писать, хотел жить в своей истории и чувствовать себя собственным персонажем. Но говорить об этом с друзьями было пока рано.

– Но ведь не так же все делается, Иона! Никто не бросает работу прежде, чем найдет другую.

– Хватит, Хлоя. Хватит изрекать мне прописные истины таким тоном, каким мать отчитывает придурковатого подростка.

Мое замечание ее задело, но она не собиралась признавать свое поражение.

– И на что ты будешь жить? – поинтересовалась она.

– Родители оставили мне немного денег. Вполне можно продержаться несколько месяцев, даже год, если не особенно шиковать. Да я и не особый транжира.

Она обернулась к Жошу, ища у него поддержки, но он ответил ей холодным взглядом, означавшим, что довольно уже донимать меня нотациями.

Лиор

Я осталась одна.

Больше ни один мужчина не сделает из меня дуру. Не нужны они мне, я сыта по горло их любовью и нежностью. Умеют только врать, брать и бросать.

Таково было мое решение, твердое и бесповоротное. Я тут же почувствовала себя сильной и гордой, сработал инстинкт самосохранения.

Бесконечные фиаско на любовном фронте измучили меня, истерзали. Механизмы защиты ослабли, и сопротивляемость организма упала почти до нуля. Душа была как открытая рана. Как будто я годы напролет бросалась на стены, упорно стараясь пройти насквозь, и вдруг поняла, что следующая попытка может оказаться роковой. История с Лукой забрала мои последние силы. Он сумел обогнуть баррикады, которые я водрузила, потому что никогда не говорил о любви и усыпил мою бдительность честным, открытым взглядом. Я уже не знала, как себя обезопасить. Значит, я больше не стану попадаться в расставленные мужчинами ловушки. Для этого нужно совсем немного: не слушать слабенького внутреннего голоса, того, что дает, как оказалось, дурные советы. Голоска девочки, мечтающей стать принцессой.

Я приняла к тому же и другое решение: начать новую жизнь. Многие женщины так делают, когда судьба летит под откос, когда они начинают понимать, что ни над чем более не властны. Некоторые просто делают новую стрижку, другие рожают ребенка, самые отважные меняют профессию или расходятся с мужчиной. Необходимо стать другой женщиной. Но какой? Принцессе конец, она лежит на смертном одре по вине прекрасного принца. Юная девушка с каждым годом становится все менее юной. Свободная женщина, хозяйка своей судьбы – не мое амплуа. А профессионалка тихо увязает в рутине однообразной работы.

Моим первым побуждением было уйти с работы, начать жить совсем по-другому. Стать беззаботной, самой выдумывать себе проблемы, следить за здоровьем, лететь вперед. Я представляла, что буду работать в бутике, продавать какие-нибудь ненужные красивые штучки или модную одежду. Стану жить легко и беззаботно, веселиться по любому поводу, ценить вкусную еду и хороший кофе, проводить время в болтовне с подружками, забуду все трагедии и катастрофы прежней жизни и саму себя прежнюю тоже забуду.

Но я понимала, что у меня ничего не выйдет. Легкомыслие было моим худшим врагом.

Мое место – рядом с теми, кто страдает. Я могла обрести себя лишь в отношениях, исполненных тревожного ожидания. Значит, мне нужно не бежать, а сделать еще один шаг к границе, отделяющей жизнь от смерти. Как некоторые люди испытывают себя болью, чтобы лучше почувствовать свое тело, так и я хотела вплотную приблизиться к трагедии, чтобы разбудить чувственность. В больнице должно было освободиться место в отделении паллиативной медицинской помощи, и очереди из претендентов не предвиделось. Я подала туда заявление, надеясь, что близость к умирающим поможет мне пробудиться к жизни.

Но это решение, как оказалось, привело к пагубным последствиям. Несомненно, я всей душой отдалась делу, однако при этом еще сильнее отделилась от внешнего мира. Ежедневное общение со смертью и необходимость облегчить пациентам их последние часы пробудили во мне лавину сочувствия, но с каждым днем реальность казалась мне все менее желанной и любимой, я перестала верить в жизнь и почувствовала, как умирает надежда.

Я ничего больше не хотела, ни о чем не мечтала. Я стала рукой, которую онижимают перед тем, как отправиться в последний путь, ласковым взглядом, который их провожает. Я была их семьей в это тяжелое время. Иногда я даже ходила на похороны. Родные и близкие пациентов всегда тепло встречали меня, благодарили. Но потом мне нужно было исчезнуть, чтобы они могли спокойно предаться горю и забыть больницу с ее запахами, криками, стонами и оглушительной ночной тишиной.

Я сама выбрала такую жизнь. Одинокую жизнь, которую оживляли всплески тепла и нежности, перемешанных с отчаянием. Эти короткие моменты я выискивала в череде трагедий, они и составляли мое счастье. Такова была моя роль в жизни – нечто вроде религиозного самоотречения, мистического служения. Я постепенно превращалась в странное существо, способное жить только для других.

Но сочувствие постепенно убивало во мне последние капли здравого смысла. Я поняла это, когда ушла Анжела Дютур.

Иона

Последующие слова утянуло в воронку, в черную дыру моего воображения. Я потерял счет времени. Я отрывался от монитора лишь затем, чтобы схватить что-то в холодильнике или на полке и лихорадочно проглотить или чтобы прилечь, прочитать несколько строчек и забыться сном.

Отношения с созданными мною же персонажами были напряженными и насыщенными. Они постепенно обрели самостоятельную жизнь, не зависящую от моей воли, и заполнили все пространство, благо пустота, в которой я существовал, давала им такую возможность. Они стали моими единственными спутниками и, собираясь вместе, сами предлагали мне ситуации и развязки, которые я дотошно рассматривал, а потом принимал или отвергал.

Я не собирался предлагать книгу в какое-нибудь издательство, даже не предполагал, что ее прочтут мои друзья. Я сочинял свою историю, лишь повинуюсь непреодолимой потребности, лишь подчиняясь удивительной воле слов: они пробуждали невыразимую страсть, охватывавшую меня каждый раз, как я погружался в текст.

Жош и Хлоя тщетно пытались меня развлечь. Они заходили в гости, звонили по телефону, интересовались моими делами и приглашали куда-нибудь пойти. Иногда им удавалось заставить меня надеть куртку, чтобы сходить за покупками или выпить стаканчик в кафе.

Весь этот период мне больше не снилась незнакомка, предсказывающая будущее, моя лежащая на постели пифия. Тем не менее я постоянно думал о ней. Можно даже сказать, я писал только для нее. Она была моей музой, манящей и тревожащей. По крайней мере, так я сам определил ее роль в своей жизни. Она принадлежала темному и мрачному периоду, и воспоминание о ней было пропитано тогдашней болью и отчаянием. Но она равным образом была связана и со счастливым периодом моей жизни и если не напрооричила судьбу, то уж точно подтолкнула меня к идее написания романа.

И вот – последняя страница, последняя строчка, последнее слово, и я одним махом написал название, как художник подписывает картину: «В тиши ее молчания». Я довел до конца действие, исчерпал сюжет, до конца измучил персонажей. Сперва я чувствовал облегчение, почти удовлетворение. Как бегун-марафонец, я пришел к концу моего длинного сочинения. Мне удалось притупить боль, придать смысл своему одиночеству. Но потом чары рассеялись. Мои персонажи покинули меня. Они больше не были рядом, они были заперты в двухстах страницах рукописи, погребены под грузом килобайтов, и ярлык на рабочем столе был их надгробным камнем.

Я вновь оказался сиротой.

По-прежнему запершись в квартире, я слонялся из комнаты в комнату, переползал с дивана на кровать, из кухни в ванную, бродил бесцельно и безнадежно в пустыне своих дней и ночей.

Тогда я захотел перечитать роман, надеясь вновь разжечь пламя, полыхавшее во мне долгие месяцы работы. О, какое меня ждало разочарование! История показалась мне скучной, фразы корявыми и бессмысленными, персонажи непоследовательными и безликими. Я проклял их за то, что они насмеялись надо мной – хотя сам был во всем виноват. Расстроенный и обозленный, я сбросил рукопись в корзину. И от безнадежности и отчаяния уснул глубоким сном.

И тут мне опять приснилась она.

Лиор

Было воскресное утро. Холодное, грустное воскресенье, какие случаются только в январе.

«Мадам Дютур. Сегодня ночью».

Софи не подняла глаз от бумаг, которые она заполняла, только дружески кивнула и проронила несколько слов, обозначивших смерть.

Смерть была здесь очевидностью, в нашем отделении все было ею пропитано. Не нужно было слов, чтобы назвать ее по имени. Все они были под запретом, ибо не имели смысла.

Я шла по коридору, склонив голову, стараясь справиться с нахлынувшей болью.

Медсестры относятся к пациентам по-разному. Все мы, кроме очерстевших профессионалов, проработавших здесь долгие годы, время от времени привязываемся к некоторым больным, у нас появляются любимчики, которые, заняв место в палате, получают его и в нашем сердце. Некоторые быстро забываются, но некоторые нам очень дороги. Причины тут бывают самые разные: потому что человек какой-то трогательный, или одинокий, или красивый, или бедный, или смешной. Напуганный или безмятежный, умный или наивный, похожий на нашего дядюшку, или двоюродную сестру, или на давно забытого друга. По каким-то субъективным причинам они привлекают наше внимание, вызывают сострадание, и мы начинаем проводить с ними больше времени, заговаривать чаще и ласковей.

Анжела Дютур была одной из моих пациенток. Ее положили к нам две недели назад. Рак матки, обнаруженный за полгода до этого, не поддавался никакой химиотерапии. Так бывает: приходишь на обследование, ждешь и волнуешься, диагноз подтверждается, и в глазах поселяется ужас, поселяется навсегда. Некий несмыслимый отпечаток, который накладывается на все чувства и действия, опустошает взгляды и обесцвечивает слова. В глазах зажигается последний темный огонек, страх смерти – он-то и есть наш главный враг, с которым мы здесь неустанно сталкиваемся. Иногда напрямую, когда больной, чувствуя неизбежность ухода, молча умоляет спасти его или оборвать невыносимое ожидание. Иногда более скрыто, когда этот смертный ужас проступает сквозь слова и мысли, поддерживающие надежду на выздоровление или веру в загробную жизнь.

Но во взгляде Анжелы Дютур читалось совсем другое: любовь к родным и близким. Желание оберечь их от страданий. Заставить их верить, снова и снова, что еще не все кончено, что у нее есть силы и скрытые ресурсы организма и она может справиться с болезнью и что, даже если смерть победит, они обязательно еще встретятся. Именно это меня поразило. Она думала о них больше, чем о себе. Боялась только их страданий, тех, что они чувствуют, глядя на ее исхудавшее тело; тех, что они еще испытают, когда она их покинет.

«Не говорите им, – умоляла она меня. Она просила меня скрыть от родных, что ей осталось в лучшем случае две недели. – Поощадим их, дадим еще несколько дней. В любом случае мы выиграем».

Но они и сами все знали.

«Не говорите ей, – просили они меня. – Пусть лучше уйдет, ни о чем не догадываясь».

Каждый думал, что обманывает другого, и обманывался сам. Я честно никому ничего не говорила – ни им, ни ей, и они беспрепятственно двигались к последней черте с улыбками, со словами утешения и надежды.

Я часто заходила к Анжеле Дютур, сидела с ней, держала за руку, слушала рассказы о детях, о муже, обо всей ее жизни. Это была удивительная жизнь, наполненная сильными и благородными чувствами. Однажды она спросила о моей семье. Я рассказала ей об отце, ушедшем через два года после моего рождения, об одинокой, погруженной в депрессию матери, о старшей сестре, с которой мы так не похожи. Ничего не сказала ни о своих душевных

ранах, ни о своих мечтах. Но она поняла и крепко сжала мою руку. Незаметный жест, исполненный громадной нежности. Она на смертном одре жалела меня, сочувствовала полной сил молодой женщине.

– А у вас есть возлюбленный? – спросила она.

– Нет, сейчас никого нет.

– Только не отказывайтесь от веры в любовь... – прошептала она, словно читала мои мысли.

– Я не могу понять мужчин, Анжела.

– Потому что вы еще не встретили того, кто сделает вас счастливой.

– Может, он уже попался на моем пути и я его не узнала?

– Вряд ли. Когда вы его встретите, вы сразу его узнаете.

Я улыбнулась – сколько в ней уверенности, сколько оптимизма!

– А как становится понятно, что это тот самый? – спросила я.

– Вы почувствуете внутри теплоту. Не такую, что зарождается внизу и разжигает желания тела, скорее вспышку в сердце, которая пойдет вверх, к вашему духу. Свет, способный озарить будущее. И вы увидите его отцом ваших детей и дедушкой ваших внуков. Перед вашим мысленным взором пройдет картина, как вы вместе стареете. Вы сразу все поймете.

– Но я так часто обманывалась.

– Обещаю, вы его встретите.

– Как вы можете быть так уверены? – настаивала я, улыбаясь.

– Потому что вы это заслужили. И потому что те, кого вы проводили в последний путь, теперь помогают вам.

Она сказала это спокойным, уверенным голосом, как нечто само собой разумеющееся. Я не верила во все эти сказки, но чувствовала, что не имею права отнимать у нее надежду. Пусть считает, что ее ждет другая, лучшая жизнь. Соответственно, я замолчала и продолжала ей улыбаться, словно благодарила за ее слова.

– Когда я уйду, я оттуда, сверху, буду помогать вам. Старайтесь замечать знаки, которые я стану вам отправлять. Слушайте свое сердце. Не желания, нет, свой разум и свое сердце. И если, когда человек всей вашей жизни появится на горизонте, они подведут вас, я буду рядом. Вы услышите мой голос. Услышите в сердце, в памяти, там, где получится уловить мой сигнал. Я скажу вам: это он, Лиор. И вы меня услышите.

Я засмеялась, меня позабавило это обещание, произнесенное таким торжественным тоном, таким серьезным голосом.

– Мое имя означает «ангел», то есть «вестник», и это залог того, что мне предопределена подобная роль, – лукаво шепнула она.

В эту секунду в комнату вошел элегантный мужчина. Я встала и вышла из комнаты – все еще под впечатлением странных речей моей неожиданной подруги.

Смерть мадам Дютур выбила меня из колеи. Я поняла, что каждый умирающий пациент уносит с собой частичку моей жизни. Я отдавала этой работе все свои силы, и я устала, я не в состоянии была больше поддерживать затухающее дыхание, выдерживать угасающие взгляды, слушать дрожащие слабые голоса. Ради чего я жила? Чем я могла помочь этим несчастным? Меня охватили сомнения. Я сомневалась в себе, в своем профессионализме, в нужности своей работы.

Все, к кому я привязывалась, в конце концов уходило.

Что же делать? Может быть, действительно провести незримую границу между собой и пациентами, держаться более отстраненно, стать более профессиональной и умелой, не отдаваться делу всей душой? Эта мысль меня пугала. Мне вовсе не хотелось стать похожей на некоторых наших опытных сестер, ставших с годами совершенно бесчувственными, закрытыми,

равнодушными к душевным порывам пациентов, строго и точно выполняющими необходимые процедуры. Они просто делали свою работу, такую же, как любая другая. Часто это были несчастные одинокие женщины. Нелюбимые, нелюдимые.

Для некоторых, не поддавшихся разрушению, вся настоящая жизнь проходила вне больницы. Муж, друзья, дети – у них был кто-то, кто наполнял их жизнь смыслом, о ком они скукачили и грустили, за кого радовались... У меня не было никого. Риск попасть в клан прокисших старых дев был вполне реален – и вызывал у меня ужас.

-4-

Любовь – это зов

Иона *Третий сон*

Она по-прежнему лежала на кровати, в той же позе. Именно так она лежала в предыдущем сне как раз перед тем, как я проснулся. И читала ту же самую книгу. Глаза ее бегали по строчкам, на лице сменялись разные выражения, губы порой шептали какие-то слова. Я невидимым свидетелем стоял у порога и любовался ее красотой, лишенной определенных черт, как это бывает в снах, отслеживал каждую деталь, стараясь запечатлеть этот образ в памяти. На этот раз, в отличие от двух предыдущих снов, я не чувствовал себя обездвиженным, приросшим к полу. Я словно плыл по комнате, точно сквозняк, принесенный случайным ветром. Хотелось узнать, что же за роман она читает. Тело мое медленно переместилось поближе, движимое любопытством.

На обложке я с удивлением прочитал свое имя и название своего романа. Тогда я прислушался к тихим словам, слетавшим с ее губ. Подлетев поближе, я узнал некоторые свои фразы. Я замороженно слушал, как ее шепот делает их даже прекраснее, чем прежде, когда мне их нашептывало вдохновение. И был потрясен, увидев, как слеза побежала по ее щеке.

Тогда я понял, что она испытывает нечто вроде экстаза. Неизъяснимый восторг, который испытывают люди, читая романы или стихи, проложившие путь к их сердцу, преодолевшие все барьеры, которые сооружают вокруг него наивность, невежество и глупость.

Я улыбнулся ей в ответ, чувствуя себя соучастником ее восторга, и проснулся.

Слезы катились по щекам, я чувствовал соль на губах. Наслаждался их вкусом, словно то были ее слезы, чудом прошедшие через окна ночи с ее лица прямо на мое лицо. Я представил себе, что в один прекрасный день она сама появится из такого окна. Во сне я решительно возьму ее за руку и приведу в наш мир. Эта мысль меня порадовала, я лежал на постели, умиротворенный, почти счастливый, я представлял себя влюбленным, только что вернувшимся с первого свидания. Возможно ли, что она где-нибудь существует, в заоблачных сферах, вне времени и пространства? Может ли быть, что наши сны происходят в явь в другом измерении, чтобы мы познакомились друг с другом, прежде чем навеки соединиться?

Как иначе объяснить, что из ее уст я слышал целые абзацы, которые наяву совершенно не способен воспроизвести наизусть? Конечно же, я был знаком с научной теорией, согласно которой мозг имеет способность запоминать абсолютно все и потом выдавать эту информацию во сне или под гипнозом. Но я предпочитал думать, что она действительно прочла мою рукопись и, более того, она ей очень понравилась.

Захотелось найти те фразы, которые она зачитывала шепотом. Я встал и извлек из мусорной корзины выброшенную накануне рукопись. Быстро нашел взволновавшие ее моменты и попытался вспомнить ее голос, когда их перечитывал. И снова чувства захлестнули меня.

Она плакала не потому, что прочитанная ею сцена была грустной, а потому, что речь в ней шла о любви. Простые слова любви, произнесенные вслух героем, когда он пришел к безумной, замкнувшейся в своем мире женщине. Моя героиня не могла их услышать, но они должны были прозвучать.

Накануне, перечитывая роман, я испытал только гнев: не получалось воссоздать свои чувства, не удавалось больше понять персонажей: я обиделся на них, решил, что они меня

предали. Но те же самые слова, услышанные в тихом шепоте незнакомки из моих настойчивых сновидений, теперь показались мне сильными, искренними, яркими и выразительными. Она примирила меня с моим текстом. Дала мне возможность вернуться к источнику вдохновения, к пределам моей боли. Какой еще властью надо мною она наделена? И как я отныне должен оценивать свою работу? Она нравится мне сама по себе или лишь потому, что она облагородила ее своими глазами, своим дыханием, своим чутким сердцем?

Мне нужно было другое мнение о книге – холоднее, беспристрастнее. Я как раз размышлял об этом, когда Жош позвонил в дверь. Он был несказанно удивлен, что я встретил его с улыбкой, что был явно рад ему.

Я тотчас же поведал ему свои переживания и свой сон. Он внимательно выслушал меня, время от времени хмуря брови или как-нибудь еще выражая свои чувства. Я посвятил его в свое намерение доверить ему свою рукопись, объяснил, что мне необходимо еще чье-то объективное мнение, кроме моего собственного или суждения незнакомки из сна. Он на мгновение замешкался, решаясь, а потом схватил рукопись и умчался.

Неделю от Жоша не было ни слуху ни духу. Неужели за все это время он не нашел времени прочесть рукопись? А может быть, ему не понравилось и он не решается мне об этом сказать?

Однажды утром я услышал, как он захлопнул входную дверь, и выскочил на лестничную площадку. При виде меня он явно растерялся, пробормотал, что опаздывает на важную встречу, извинился и исчез, махнув мне рукой на прощание.

Он не появлялся в течение десяти следующих дней, и я утвердился в уверенности, что он просто избегает меня, поскольку не хочет высказывать мнение о книге. Я страдал: его молчание можно было расценить как предательство. Допустим, мой роман действительно так плох, но неужели нашу дружбу может погубить капелька искренности? Меня подмывало постучать в его дверь и разобраться, но я сдерживал себя, опасаясь, что он просто не поймет причину моего гнева. В конце концов, я же сам втолковывал друзьям, что этот роман – не более чем способ провести досуг, внезапное мимолетное увлечение. С какой же тогда стати я так жажду его мнения?

Я уже был на грани отчаяния, как вдруг, опять же утром, раздался телефонный звонок. Я включил автоответчик и услышал незнакомый голос:

– Мсье Ланкри? С вами говорит Тьерри Виллар из издательства «Жанвье». Я прочитал вашу рукопись. Мне все очень понравилось – и сюжет, и стиль. Хотелось бы с вами встретиться.

Я стоял как громом пораженный, не сводя глаз с телефона, не в силах ответить. Когда издатель повесил трубку, я вновь включил автоответчик и прослушал послание несколько раз, словно чтобы окончательно убедиться в его реальности и при этом попытаться за это время понять, как же мой роман попал к этому человеку. Мысли путались, собрать их воедино не удавалось. Я витал в какой-то параллельной вселенной, в которой моему другу понравилась моя книга, он отнес рукопись редактору и тот тоже ее оценил.

В этой вселенной, кстати, и сны были вещими.

– Да я просто положил ее в почтовый ящик, – принялся виновато оправдываться Жош.

– Черт, Жош, ну ты прям удивительный человек! – с восхищением воскликнула Хлоя. – Вот так взять и отнести рукопись издателю, ни с кем не посоветовавшись, без согласия Ионы... Мне лично это кажется смелым поступком и залогом истинной дружбы.

Жош, не привыкший к комплиментам, густо покраснел.

Мы сидели у меня в гостиной. Я позвал их в гости после того, как встретился с издателем, и они тотчас же откликнулись на мой зов. Прежде всего я в общих чертах рассказал о том, как прошла встреча с издателем. Жош улыбнулся, он был явно горд за свой поступок и рад за

меня. Хлоя радостно завопила, запрыгала и расцеловала меня. За неимением шампанского мы откупорили бутылку белого вина. Что касается меня, я не чувствовал ни радости, ни возбуждения – лишь удивление и беспокойство.

– Я прочитал все за одну ночь, – объяснил Жош. – Мне безумно понравилось. А на следующий день я уже отправил рукопись издателю.

– Кстати... было бы мило, если бы ты удосужился и мне переслать экземплярчик, – добродушно проворчала Хлоя.

– Я так и собирался, но Жош молчал, и я решил, что написал чушь собачью.

– Я так горжусь тобой, Иона Ланкри! – воскликнула Хлоя в новом приступе энтузиазма. – И тобой тоже, дорогой мой Жош!

Удивительно, с чего она так радуется? Конечно, мне улыбнулась удача, это факт. Но мою радость омрачал страх перед неизвестностью. Родители-то мои всегда мечтали, чтобы я стал писателем, но сам я не видел для себя такого будущего, и этот роман я тоже писал вроде как для себя. Мне казалось, что я не заслуживаю такой судьбы, что я самозванец.

– Тебя ждет столько интересного! Издательские тусовки, журналисты, презентации, фанаты...

– Вот именно! Уж ты-то знаешь меня достаточно и понимаешь, что все это меня мало интересует.

– Вот зануда! Вечно всем недоволен! Даже сейчас ты не выглядишь счастливым!

– Ну, я просто слегка удивлен. Пока не очень себе представляю, как все будет. Этот роман не был предназначен для печати... поэтому я немного растерян. Я едва не отказался от предложения издателя, – признался я.

– Быть не может! – воскликнула Хлоя.

– Но почему ты все же согласился?

– Я подумал о родителях. Они всегда верили, что в один прекрасный день я стану писателем. Не хотелось их разочаровывать. Но... Не могу избавиться от ощущения, что незаконно вломился в литературный мир, что не имею на это никакого права.

– По-моему, все молодые писатели так думают, – заявила Хлоя. – По крайней мере те, кто изначально не собирался публиковаться. Такое авторское целомудрие.

– Безусловно. Но в придачу к тому, что ты называешь целомудрием, у меня присутствует еще инстинкт самосохранения. Литературный мир стал частью мира шоу-бизнеса, а я не создан для того, чтобы выставляться напоказ и светиться в телевизоре и желтой прессе. Кстати, книга выйдет под псевдонимом.

– Под вымышленным именем? – удивилась Хлоя. – Но это же глупо, разве нет?

– Почему же глупо? Это всего лишь способ провести границу между мной сегодняшним и тем человеком, которому вскоре будет присвоен статус писателя.

– И что за имя?

– Ох, ну я не стал оригинальничать. Просто взял второе имя отца и девичью фамилию матери.

– И что получилось?

– Рафаэль Скали.

– Неплохо, – сказал Жош.

– Да, неплохо, – подтвердила Хлоя. – Господи, если тебе так нужно, пожалуйста!

– Нужно, нужно. Ты же меня знаешь, я не из экстравертов. А псевдоним меня хоть как-то уберет от излишней публичности.

Как человек, проработавший некоторое время в журнале, я прекрасно знал, что в литературной среде неизбежны тусовки, светская болтовня, улыбки, настоящие и искусственные, деловые обеды, фуршеты, сопровождающиеся разговорами с незнакомцами, которые, не прочитав романа, расписывают, как он им понравился, лезут в вашу личную жизнь, выясняют

ваше мнение по разнообразным вопросам и отношение к разным авторам. Одиночество вынудило меня стать писателем, но я не готов был пожертвовать своими принципами и в одночасье превратиться в общительного, красноречивого и улыбчивого светского человека. Я объявил издателю, что не стану участвовать в рекламной кампании. Все, что я хотел сказать, я сказал на двухстах шестидесяти страницах романа, остальное же принадлежит лично мне и никого не интересует. Тьерри Виллар остановил на мне лукавый взгляд голубых глаз, призадумался, а потом ответил, что понимает мои чувства и принимает мое условие. А пресс-секретарь был в ужасе, он принялся рисовать мне катастрофические последствия моего решения, грозил мне безвестностью, пугал ничтожными продажами – больше всего, похоже, его волновала невозможность применить свои умения, а не судьба моей книги и мое литературное будущее. Но я ответил ему, что пиар никогда не определял литературную славу книги. По мне, так он нужен был лишь для того, чтобы польстить самолюбию автора.

Роман мой был принят доброжелательно, хотя и не имел оглушительного успеха. Тем не менее множество незнакомых людей увлеклись моей историей и полюбили моих персонажей. Те вышли из-под контроля и отправились туда, куда бы я в жизни не пошел, представляя меня повсюду, извиняясь за мою нелюдимость. У меня появилось множество виртуальных друзей. Я больше не чувствовал себя одиноким. Невидимая, но прочная связь соединила меня и моих читателей.

Многие писали мне, чтобы рассказать, какие чувства вызвала у них моя книга. Иногда это оказывались те самые чувства, что я сам испытывал, когда писал. Они обсуждали моих персонажей так, словно это были живые люди. У меня создавалось впечатление, что я получаю весточки от давно потерянных друзей, с которыми мы вместе кружились в параллельном мире, где литература определяла жизнь. Я отвечал на все письма, благодарил, спорил.

Издатель просил меня срочно начать новую книгу. Он считал, что я, как серфер, должен поймать волну популярности. Необходимо окончательно приручить читателей, ведь это народ неверный и забывчивый, втолковывал он мне. Меня совершенно не вдохновляла эта идея. Желание писать пропало, я не чувствовал в себе сил, чтобы вновь повторить свой мощный заплыв. Что я им скажу? Какую придумаю историю? Я чувствовал внутри пустоту: ни слов, ни чувств, все было выплеснуто в первый раз. Но умом я понимал, что издатель прав, его логика поневоле убеждала. Кроме всего прочего, я с глубочайшей симпатией относился к этому человеку, ведь он доверился мне, учел мое нежелание появляться на публике. В конце концов я согласился. И на этот раз все получилось иначе. Мной двигало уже не желание высказаться, я лишь уступал просьбе. Создавалось впечатление, что тысячи читателей, которые прочли мой первый роман, ждали, склонившись над моим плечом и заглядывая в монитор. Я писал эту книгу почти год. Это была история молодого человека, разыскивающего отца, который таинственным образом исчез.

Писать было трудно. Слова были теперь какие-то не мои, словно мне их нашептывали незримые будущие читатели. Я тяжело и боязливо продвигался вперед, как первопроходец по неисследованной местности. История меня не слишком вдохновляла, персонажи получались надуманные и неубедительные. Но все равно я неустанно покрывал значками белые страницы на мониторе, меня поджимали сроки и поторапливали письма читателей. Вынужденный маршбросок меня утомлял и расстраивал. Я решил было, что муки творчества – неотъемлемая часть моего нового статуса настоящего писателя, попытался отделаться от них, всеми силами устремившись к моменту, когда мои персонажи волшебным образом преобразятся и удивят меня самого. Однако они так и оставались чужими и несговорчивыми.

Закончив, я послал текст издателю. При встрече Тьерри Виллар сказал мне, что ему понравилось. Но в его взгляде я прочел совсем другое. Действительно ли он надеялся, что «Я

сын своего отца» сможет сравниться по числу продаж с первым романом? Или решил пока напечатать заурядную поделку в ожидании романа, который станет настоящим бестселлером?

Жош, как всегда, оказался искренним и высказался в свойственной ему манере. Он зашел в гости, положил прочитанную рукопись на стол в гостиной, внимательно заглянул мне в глаза с непередаваемым выражением, означающим: «Да, дружище, не фонтан, сам понимаешь...» Потом налил себе кофе и уселся у окна.

Хлоя пыталась исправить положение и найти во всем лучшие стороны:

– Конечно, в нем нет такого пыла и страсти, как в прошлом романе. Но это как раз и составляет его достоинство. Ты избежал ловушки, в которую попадают многие молодые писатели: не повторил тот же роман. Ты сделал нечто совсем иное, и это интересно.

Ее аргумент звучал правдоподобно и тем самым оправдывал недостатки формы. Но «Я сын своего отца» был на самом деле пустышкой. Мне нечего было показать людям, нечего сказать. Первый роман был криком, а на этот раз мне не хотелось кричать. Роман получился проходной – прочитал и забыл.

Когда он вышел, некоторые критики его поругали, остальные просто не заметили. Читатели обвиняли меня, что я изменил своему стилю, оказался в другой системе координат. Некоторые даже сочли, что их предали. Я был им благодарен за честность и злился на себя. Нельзя было их так обманывать.

В общем, я решил, что эта книга окажется для меня последней.

Потом она опять начала мне сниться. Сны были тусклые, застывшие, однообразные. Никакого движения. Она лежала и лежала, уставившись в потолок, грустила, меня не замечала.

Я из кожи вон лез, чтобы привлечь ее внимание, пытался заговорить с ней, выудить у нее хоть какое-то выражение, хоть несколько слов. Но она не отвечала. Оставалась поразительно неподвижной. Сны эти только разжигали чувство к ней, дразнили, будоражили и в итоге превратились в кошмары.

Каждое ее появление во сне было как вспышка, и каждый раз я просыпался, не дождав-шись ответа. Пытался потом как можно скорее уснуть, чтобы попасть в этот же сон, разрабатывал стратегические планы, как заставить ее хоть как-то отреагировать, хоть что-то сказать. Все было напрасно. Поутру я просыпался больным и расстроенным. Она избегала меня, ускользала – почему же? Может быть, она сердилась на меня? Может, обижалась, что я написал этот второй роман?

В конце концов я стал испытывать по отношению к ней какую-то враждебность, смешанную с горечью. Мучился и злился, как отвергнутый влюбленный. Она снилась мне все реже и реже, и в конце концов сны стали так редки, что я их уже и не ждал.

Воспоминания о ней стали стертыми и расплывчатыми. Ее образ двоился, троился, делился на десять-двадцать-тридцать образов. Она делалась похожей то на встреченную в метро девушку с чудной улыбкой, то на кассиршу из мини-маркета, которая посмотрела на меня чуть более внимательно, чем обычно. Яркими оставались только воспоминания о моих чувствах и переживаниях. И я сказал себе, что она, вероятно, появилась в моей жизни лишь затем, чтобы открыть меня другим женщинам, чтобы я смог принимать их любовь и дарить им свою.

Чем я и попытался заняться. Я начал встречаться с женщинами, по преимуществу с читательницами. Эти отношения основывались на взаимной выгоде и по умолчанию были недолгими. Девушки дарили мне немного радости, свое очарование, звонкий смех. Я платил им рассказами о своей экзотической профессии, они могли считать себя причастными тайнам чудного мира литературы. Но они быстро разочаровывались: оказывается, я вел довольно скучную жизнь. Ничего общего с образом писателя, нарисованным их воображением: ни тебе встреч со знаменитыми собратями по перу и другими звездами, ни тебе романтических приключений,

которыми можно похвастаться перед подругами, ни тебе скандальных откровений, способных удовлетворить их любопытство. В конце концов все они уходили от меня.

Жизнь моя была пустой и праздной. Я не думал о завтрашнем дне, не задумывался над смыслом своих поступков, довольствовался маленькими радостями, которые находишь в повседневной жизни, когда не остается времени о чем-либо мечтать. Плыл по течению. Работать я совершенно перестал, и никто меня за это не упрекал. Все представляли себе, что писатель так и должен жить, и наивно полагали, что я хотя бы несколько часов в день работаю над будущей книгой.

Между тем мои финансы постепенно таяли. Сперва я жил на деньги, которые оставили родители, потом на авторский гонорар за книгу, но вдруг обнаружил, что они иссякли. Я отвечал на тревожные звонки из банка, обещая новые поступления денег, выход нового романа, контракты на переводы. Доверия банкиров можно добиться, только внушив им, что ты – лакомый кусочек. Я научился лгать. Практически перестал быть самим собой.

И лишь встреча с необычной, совершенно особенной читательницей позволила мне опомниться и понять, что же со мной творится.

Донателла прислала мне письмо, в котором рассказала, какое сильное впечатление на нее произвел мой первый роман, как она узнала себя в главной героине, страдающей от одиночества. Письмо меня очень тронуло. Я написал ей об этом. Она спросила, можно ли встретиться, чтобы я подписал ей книгу. Ее слова были такими искренними, такими пронзительными, что я испугался: а вдруг разочарую ее, не сумею оказаться на высоте иллюзий, которые она питает на мой счет? Но она настаивала, и я согласился, мысленно пообещав себе держаться на расстоянии, чтобы ни в коем случае ее не ранить.

Мы встретились в кафе на острове Сан-Луи. Я даже не удивился, когда оказалось, что она именно такая, какой я ее себе представлял. Когда она вошла в кафе, я вздрогнул. На мгновение мне показалось, что это та самая девушка, которая царил в моих снах. Но потом я быстро отменил эту мысль. Все женщины, которые мне нравились, были похожи на нее. Красивая и изящная, нежная и ранимая. Она казалась одинокой и немного потерянной. Она поздоровалась со мной: ее губы дрожали. Едва уселась, сразу начала подробно описывать ощущения, которые вызвал у нее мой первый роман; о втором не проронила ни слова. Глаза ее что-то искали в глубине моих глаз – может быть, слова, которые я когда-то нашел и которые так ее поразили.

Мне хотелось понять ее, утешить, полюбить. Она не оставила меня равнодушным, в душе я страстно надеялся увидеть ее еще. Но надежда, которую я разглядел в ее взоре, пугала меня. Слишком большой, слишком сильной была эта надежда. А девушка была такая красивая, такая чистая, такая загадочная – но не та, которой я ждал. Поэтому я счел своим долгом уберечь ее от грядущего разочарования. Перед тем как проститься, Донателла протянула мне свой экземпляр «В тиши ее молчания». В обычной подписи на память я попытался зашифровать послание к ней:

«Донателле. Мне дороги те слова, что нашептало ваше молчание. Моменты, проведенные рядом с вами, незабываемы. Спасибо!»

И я ушел, не предложив ей снова встретиться. Она поняла, что я очертил границы наших взаимоотношений, и, когда написала мне в следующий раз, речь шла о достоинствах моего романа, о ее страсти к чтению – и вдобавок о том, что она думает о мужчинах. Мне нравилось, как и о чем она пишет: слова, чувства, настроения. Мы были похожи, мне в голову приходили те же мысли, я обладал столь же ранимой и чувствительной душой. Словно какая-то невидимая нить нас связывала. Но отвечал я ей сдержанно и сухо, без лишних эмоций, потому что боялся слишком с ней сблизиться: вдруг в ней вновь возродится надежда, а я окажусь несостоятельным... Она стала мне необходима, я нуждался в ее дружбе, в ее письмах издалека, в ее незримом присутствии в моей жизни. Я мечтал, что в один прекрасный день мы станем

настоящими друзьями. Но внезапно она перестала писать, я расстроился и заволновался. Мало ли на что способна такая тонкая натура? Я забросал ее имейлами, но она не отвечала. Я уже готов был предположить самое худшее, как вдруг от нее пришло короткое и загадочное послание: «Не волнуйтесь, я слишком люблю жизнь, чтобы с ней расстаться. Только вот она меня не любит». На этом наша переписка прекратилась.

Но, словно ангел-хранитель, она сумела разбудить во мне лучшие чувства. Ее слова, все ее существование были чудом, вернувшем меня к жизни. Я вновь обрел себя, повернулся лицом к собственной реальности.

Я понял, чем обязан этой девушке.

А сейчас понимаю еще лучше.

Лиор

Только я свернулась клубочком в уютном бархате кресла с йогуртом в руке и романом на коленях, как из душа вылетела Эльза. Швырнула полотенце на кровать, открыла шкаф и испустила жалобный стон:

– Вот черт, опять нечего надеть!

Я давно привыкла к ее стенаниям и поэтому не обратила на них никакого внимания: таков был обряд, некий церемониал, нагнетающий напряженность перед каждой из ее вылазок на люди, чтобы в результате появиться там в полном блеске.

Эльза тем временем яростно рылась в груди шмоток. Наконец, издав радостный вопль, она извлекла оттуда топик с юбкой и мигом натянула на себя.

– Опля! Ну как, что скажешь?

Она встала передо мной, скрестив руки на груди, в типичной для моделей шестидесятых годов позе.

– Прямо-таки Барби.

– Не смей приравнивать меня к этой дурехе с нечеловечески длинными ногами, пожалуйста. Я же серьезно спрашиваю.

– Ты великолепна.

– Я бы даже сказала, величественна. Так ты уверена, что не хочешь пойти со мной?

Старая песня! Каждый раз мне приходится ее слушать.

– Послушай, тебе вовсе не обязательно с кем-нибудь кадриться! Ты можешь просто там посидеть, выпить стаканчик, поболтать с кем-нибудь, развеяться, в конце концов!

– Спасибо, дорогая, но, пожалуй, не стоит, – ответила я, вновь погрузившись в чтение: авось уговоры прекратятся.

Но не такова была Эльза, чтобы отступить без боя.

– Слушай, ты живешь какой-то неправильной жизнью! Это, в конце концов, вредно для здоровья.

Я приподняла одну бровь, вяло выражая удивление.

– Да, согласна, моя жизнь тоже не особо правильная. Но я хотя бы развлекаюсь! А ты тут прозябаешь во мраке, хотя завтра у тебя, как всегда, трудный день и опять на твоих глазах будут умирать люди, к которым ты успела привязаться.

Я застыла неподвижно с ложкой йогурта во рту.

– Говорила я тебе, не надо было соглашаться на эту работу! Ты слишком хрупкая, слишком чувствительная. Не можешь воспринимать эту жуткую реальность со стороны. Берешь на себя чужое горе.

– Я перестала куда-либо ходить, потому что...

– Знаю, знаю! Потому что не ждешь больше любви, не веришь в нее.

Она метнула в меня мрачный взгляд.

– Что читаешь-то? – вдруг спросила она, явно желая меня подловить.

Я не ответила, уже зная, к чему она клонит.

– Про любовь небось книжка, угадала?

В самую точку. Романы были последней территорией, на которой я была готова примириться с любовью в самой ее сентиментальной ипостаси.

– Сама видишь, что не все с тобой понятно! Твои слова противоречат поступкам. «Я больше не верю в любовь, – передразнила она меня. – Отказалась от мужчин». Чушь какая-то!

– Я так не говорю, – возмутилась я, целясь ложкой ей в лицо.

– Нет, но могла бы. Такой тон очень сочетается с околесицей, которую ты несешь, – заявила она, поправляя перед зеркалом топик.

– Ты поправилась. Задница стала просто огромная, – сказала я, оглядывая ее с головы до ног.

Она так и подпрыгнула, резко обернулась и изогнулась, пытаясь увидеть свой тыл.

– Что, правда? – в панике спросила она.

– Нет, но могла бы. Очень сочетается с образом шлюхи, в который ты пытаешься вжиться. Она недобро взглянула на меня.

– Ненавижу тебя!

– А я тебя обожаю. Давай дуй, а не то опоздаешь.

Когда она ушла, я положила книгу на край стола. Я ценила моменты одиночества в нашей квартире, дарящие возможность беспрепятственно предаваться моим экзистенциальным терзаниям. Наполнив бокал белым вином, я уселась у окна. Огни большого города за окном, казалось, вступали в схватку с множеством маленьких одиночеств, манили их, уговаривая объединиться, сплотиться, потереться друг о друга боками. Это был час надежды, час, когда полны рестораны, когда в барах кипит жизнь. Мне нравилось вот так сидеть, представляя себе разных мужчин и женщин, которые выходят из дома, наряженные и накрашенные для вечера, полного соблазнов, готовые обольщать и обольщаться. Некоторые возвращались домой в расстроенных чувствах – столько усилий потрачено напрасно, а в некоторых все еще трепетали отзвуки нарождающейся страсти.

Я решила, что больше в эти игры не играю. Мой удел – мирно стареть в одиночестве, приклеившись носом к окну, с бокалом вина в руке.

На мгновение я отвернулась, слишком уж от этих огней становилось грустно. И тут же заметила на столе конверт. Эльза, видимо, принесла почту и прислонила письмо к вазе – так я догадаюсь, что оно адресовано мне. Я схватила конверт: меня сразу заинтриговал красивый элегантный почерк, которым был написан адрес. Непривычно видеть свое имя, представленное подобным образом...

На секунду в глубине души забрезжила надежда: вдруг письмо от мужчины, но я тут же справилась с предательским тоненьким голоском.

Медленно открыла конверт и вынула листок красивой дорогой бумаги.

Там было всего несколько слов.

Но эти слова изменили всю мою жизнь.

– Ну как?

Эльза восстала от недолгого сна: волосы взлохмачены, ноги заплетаются.

Мой вопрос был совершенно излишним: с первого взгляда я могла угадать, что именно она расскажет мне про свою вечеринку.

Она пожала плечами, налила себе кофе и устремила взгляд в окно, на крыши Парижа, давая мне тем самым понять, что ей неохота рассказывать.

Я оставила ее наедине с ее размышлениями и вновь принялась за завтрак. Поела, накинула куртку, торопливо причесалась. Бросила последний взгляд на подругу – и насторожилась. Она выглядела какой-то более грустной, чем обычно, и перспектива оставить ее одну в это дождливое воскресенье и отправиться на работу меня не вдохновляла.

Я села рядом с ней, погладила по голове.

– Все было так плохо?

– Я полное ничтожество. И жизнь моя ничтожна.

– Ну, ты так сразу, сплеча...

– Я думаю, что стану теперь жить, как ты: никуда не ходить, не растрчивать впустую последние годы моей уходящей молодости.

– Что на этот раз стряслось?

– Да, в сущности, ничего.

– Что-то с Эймериком?

– Он весь вечер почти не обращал на меня внимания, зато не отходил от другой такой же идиотки.

– Кто она?

– Эмма. Я тебе рассказывала.

Я кивнула, хотя понятия не имела, о ком идет речь. Она рассказывала мне столько всяких историй, что я или не слушала ее вовсе, или сразу забывала все ее рассказы.

– Я выглядела как полная дура, сидела рядом и ждала, когда он удостоит меня взглядом, ловила его улыбку. Пришлось делать вид, что мне невероятно весело. Я смеялась всем тупейшим шуточкам этого толстого недотепы Мартина. Аж скулы сводит до сих пор.

– Не хочется вот так оставлять тебя одну в таком состоянии.

– Нет, не страшно, иди себе спокойно. Всплакну маленько, закинусь снотворным, запью виски, поставлю Азнавура, вытянусь на кровати и протяну ножки. Как Мэрилин Монро.

– Мэрилин умирала не под Азнавура.

– Да, все-то у нее как-то неправильно, фальшиво получалось...

– Я освобожусь в восемь. Можем сходить в ресторанчик, если хочешь.

– Ты будешь первым человеком, который отвел труп в ресторан.

Чувство юмора ее не покинуло. Это меня успокоило, и я уже собралась идти, как вдруг она спросила меня:

– А ты-то? Как ты провела вечер?

– Да ничего особенного... Ах да! Письмо. Очень странное...

Эльза тут же протянула руку за письмом, пробежала его глазами и нахмурилась.

– Это еще что? Предложение работы?

– Да похоже на то.

– А тебе известно, что за тип?

– Нет. Ни разу о нем не слышала.

Она зачитала вслух:

– «Я хотел бы предложить вам работу. Мое предложение, вероятно, вас заинтересует.

Позвоните мне».

Адрес свидетельствовал о том, что автор письма живет в одном из лучших районов Парижа. Подпись ничего нам не говорила: Р. Лучиани.

– Как-то странно, тебе не кажется?

– Почему вдруг письмо? Предложение работы, которое приходит по почте... в наше время! Есть же телефон! Или Интернет.

– Вот и я то же самое подумала. История в манере этих... вербовщиков. Их еще называют охотниками за головами.

– Если бы у тебя был какой-нибудь супердиплом или ты занимала руководящий пост, это еще можно было бы понять. Но какая контора вербовщиков заинтересуется медсестрой? Я вот боюсь, что это ловушка, в которую тебя хочет заманить какой-то извращенец!

– Спасибо, успокоила. Я думаю, это просто кто-то ошибся адресом.

– Ты позвонишь ему?

– Нет, с какой стати?

– Я бы позвонила. Чисто из любопытства. Интересно ведь.

– Я не любопытная.

– Знаю. У тебя вообще куча достоинств. Ладно, вали. Ты мне настроение портишь.

Три дня спустя раздался звонок.

– Мадемуазель Видаль?

– Да, это я.

– Мы прислали вам письмо с предложением работы, вы его получили? – спросил голос.

– А, то письмо... Да, но кто вы такой? – удивленно спросила я. – И откуда вы меня знаете?

Мой собеседник проигнорировал мои вопросы и продолжал:

– Мсье Лучиани хотел бы встретиться с вами.

– Кто такой мсье Лучиани? И что ему от меня нужно?

– Мсье Лучиани – крупный бизнесмен. А я его управляющий. Как вам сказать, что ему надо... Он предпочел бы объяснить это при встрече.

Самоуверенный тон мужчины мне очень не понравился, но, прежде чем я могла что-то возразить, он вновь заговорил.

– Завтра, в восемнадцать часов ровно? – предложил он.

– Вы что, смеетесь? – взвилась я. – Что вы себе позволяете?! Сначала вы мне отправляете письмо безо всяких объяснений, потом звоните и ни слова не говорите о работе, которую предлагаете, а теперь еще вызываете меня, словно я уже у вас служу!

Человек явно растерялся.

– Мне очень жаль, мадемуазель. Мсье Лучиани не сумел облечь все дело в правильную форму, а я оказался не лучше... Но дело в том, что он впервые поручает мне нанимать сотрудников... Если мы чем-то вас обидели, пожалуйста, простите нас. Но в любом случае наше предложение остается в силе. Мне позволено было сказать лишь вот что: мсье Лучиани слышал о вас от общих друзей и после этого захотел предложить вам работу.

Его торопливые извинения меня как-то уладили.

– Я не знаю... Все так странно...

– Совершенно с вами согласен. Но могу вас уверить, что предложение в высшей степени достойное и серьезное. Давайте все же договоримся о встрече, если вы не против. Кроме всего прочего, вы можете навести справки о мсье Лучиани. Если вас не устроит полученная информация, вы всегда можете отказаться. Но я уверен в обратном.

Он говорил уверенно и доброжелательно. Я окончательно успокоилась.

– Но я завтра работаю...

– В таком случае сами назначьте время и дату.

– Четверг, шесть часов вечера? – предположила я.

– Превосходно, – ответил он. – Запишите адрес.

Едва попрощавшись, я ринулась к компьютеру в поисках информации про таинственного мсье Лучиани. Выяснила, что он возглавляет солидную финансовую компанию. Пресса превозносила его ум, прозорливость, опыт руководителя и знание рынка. Отмечали его честность, энциклопедическую образованность, благородную сдержанность манер. Враги его опасались, друзья им восхищались, у него были обширные знакомства в экономических и политических кругах. Выходец из семьи итальянских эмигрантов, он сумел подняться над своей средой, благодаря настойчивости и трудолюбию открыл небольшое агентство по управлению имуществом, которое за двадцать лет превратилось в одну из самых крупных финансовых компаний столицы.

Чем больше я читала, тем более подозрительной мне казалась история с работой. С одной стороны, личность этого человека и его жизненный путь вызвали у меня искреннее восхищение. С другой стороны, я не понимала, с какой стати скромная медсестричка могла заинтересовать такого человека. Что за работу мог предложить мне финансист: ведь между нашими профессиями нет ничего общего. И какие у меня с ним могут быть общие друзья? Я увеличила фото и всмотрелась в его лицо. Точно где-то его видела. В газете? У пресловутых общих знакомых?

В результате мне ничего не оставалось, как с нетерпением ждать встречи, воображая себе разнообразные повороты событий, один другого фантастичнее.

-5-

Любовь – это свет

Иона

Долгими месяцами я бродил в туманных окрестностях своей жизни, покамест передо мной не предстала суровая реальность: тяжесть навалившихся на меня материальных проблем была прямо пропорциональна моей всегдашней беспечности и презрению к этой стороне жизни. Банк заблокировал мой чековый счет и кредитную карту. Поскольку денег не хватало ни на текущие расходы, ни тем более на запросы кредиторов, Жош и Хлоя в очередной раз решили мне помочь. Но, поскольку они не одобряли моей лени и праздности, они решили просто обеспечивать меня пищей. Жош часто звонил мне в дверь, приносил поднос или приглашал к себе пообедать. Хлоя забивала холодильник и полки продуктами. Домовладелец грозился выкинуть меня из квартиры к концу зимнего сезона за неуплату. Я впал в панику: слишком много воспоминаний связывало меня с этой квартирой.

– Послушай, Иона, так дальше жить нельзя! – воскликнула Хлоя, выкладывая свои покупки в холодильник. – Почему бы тебе не написать новый роман?

– Нет никакого желания.

– Тут уже речь не о твоих желаниях, а о насущной необходимости. Нам с Жошем нетрудно купить тебе необходимое, но это же не выход! Твои долги достигли угрожающего уровня.

– Но ведь писательство не работа! Люди не едят, чтобы заработать на еду и квартплату! Не едят по заказу!

– Ну, вообще-то я так поняла, что второй роман потому и был написан!

– И что из этого вышло? Глупая, пустая, скучная книжка.

Она опустила вздетые к небу руки, подошла ко мне поближе и заглянула в лицо.

– Иона, нужно что-то делать! Тебя собираются согнать с квартиры, а тебе, кажется, вовсе наплевать.

– Ты ошибаешься. Меня это весьма заботит. Я пытался найти работу, но никого не интересуется тридцатилетний мужчина без особых профессиональных навыков.

– А если ты воспользуешься своими литературными способностями и устроишься редактором или рецензентом в какое-нибудь издательство?

– Сотни писателей мечтают о редких вакансиях, которые там освобождаются. А потом мне это дело не нравится. Читать чужие романы и потом высказывать о них свое мнение, которое будет как-то влиять на судьбу автора... нет, это не для меня.

Она раздраженно смяла пакет и ткнула в меня указующий перст:

– Ты несносен, Иона Ланкри! Никто не имеет права зарывать свой талант в землю. Никто не имеет права упорствовать в убеждении, что можно прожить жизнь, не соглашаясь ни на какие уступки, упираясь рогом в свои принципы и высокоморальные ценности, не принимая в расчет реальную действительность. Некоторое время это еще прокатит, но потом жизнь все равно оказывается сильнее.

Хлоя покачала головой – видно, устала от моих капризов.

– Вот, у тебя здесь теперь есть всего понемножку, – сказала она, указывая на холодильник и кухонный шкаф. – Если чего-то будет не хватать, пошли эсэмэску: может, я по глупости и помчусь за этим.

Я схватил ее за плечи и крепко обнял.

– Я тебя обожаю.

– Есть за что, честно говоря, – ответила она. – Ладно, все, мне надо бежать, я опаздываю. Я-то, между прочим, вкалываю, на работу хожу!

После того как она ушла, я сел, подумал и решил прислушаться к ее совету и поискать работу. Непыльную такую работенку, с помощью которой можно будет зарабатывать на текущие расходы и вернуться к давно покинутой реальности. Не постоянную серьезную работу, которая бы навязала мне какую-то социальную роль, нет, минимум присутствия, чтобы занять время, минимум усилий, чтобы расплатиться с долгами, минимум нормальных взаимоотношений, чтобы не выпасть из круга современников.

С тоскливой покорностью я взялся за поиски.

Три дня кряду я кружил по улицам Парижа и предлагал свои услуги в разнообразных магазинчиках, барах и пивных. Но отсутствие опыта работы и неспособность предъявить работодателю улыбочивую, приветливую физиономию лишали меня каких бы то ни было шансов на успех. Меня окидывали с ног до головы быстрым взглядом, задавали пару-тройку вопросов, предлагали записать мои координаты – и на этом разговор заканчивался.

После недели таких странствий, когда я возвращался домой, расстроенный и почти потерявший надежду, взгляд мой остановился на витрине маленького книжного магазина. Часть фасада, облицованная деревом, смотрелась достойно и элегантно. Бежевая краска кое-где красиво облупилась, на стройных резных колоннах, поддерживающих вывеску, выступила благородная патина времени. Магазинчик, хоть и старый, сохранял независимый и самоуверенный вид, явно гордился своим возрастом и своей оригинальностью, так что обычный каменный дом эпохи Османа был облагорожен таким украшением и смотрелся как простая оправка для редкой драгоценности. Надпись, сделанная старомодным шрифтом, сообщала, что это место называется «Книжный дом», а его хозяин – мсье Гилель Эдинберг, книготорговец. На витрине была представлена только художественная литература, ни критики, ни публицистики. Книги были расставлены аккуратно, как будто некто невидимый старался соблюсти между ними равенство. Среди них было несколько современных романов, несколько более старых, но никакой хронологии и логики в подборе книг я не сумел определить. Я не торопясь оглядывал их, останавливаясь на каждой детали, как ребенок перед витриной большого магазина накануне Рождества. Я заметил еще небольшое объявление, написанное от руки на пожелтевшей от времени бумаге.

Широко известный «Книжный дом» приглашает на работу просвещенного и сведущего продавца с безупречной репутацией.

Спросить мсье Гилеля.

Старомодный каллиграфический почерк и несовременные обороты удивили меня. Я подумал, что это давнишнее объявление, которое оставлено на витрине для того, чтобы подчеркнуть дух старины, присущий этому букинистическому магазину. Раньше мне в голову не приходило исследовать книжные: для меня это были источники знания, пить из которых я не решался, боясь захлебнуться. Но это место окружала какая-то удивительная аура, и мне захотелось окунуться в таинственную атмосферу старых книг и забытых слов.

Я толкнул дверь и оказался в прошлом. На темных от времени дубовых полках громоздились книги, они явно были тщательно подобраны в соответствии с определенной логикой, но она ускользала от меня. Хлипкая стремянка преграждала проход между рядами, старинные лампы, покрытые многолетней пылью, тщетно пытались осветить шеренги толстых томов. Несколько посетителей с видимым удовольствием бродили по магазинчику, пробегали быстрыми пальцами по обложкам, доставали некоторые книги, чтобы выудить из них несколько

слов, несколько фраз – то, что хотели. Это место дышало благородством, которое осеняло каждого посетителя. Движения и жесты становились медленными, взвешенными, почти царственными. В глубине лавки пожилой человек в серой блузе, с сидящими на лбу очками, стоял перед массивным деревянным столом, склоняясь над каким-то изданием: судя по всему, определял его подлинную ценность. Он, должно быть, почувствовал на себе мой взгляд, поднял голову и с вежливой улыбкой на губах стал ждать, когда я подойду к нему. Я сделал вид, что не замечаю его, и пошел дальше вдоль прилавков. Но не успел я углубиться в предисловие к роману, как услышал, что кто-то тактично покашливает у меня под ухом. Пожилой господин незаметно подошел ко мне и явно вознамерился начать разговор, сохраняя на лице то же доброжелательное выражение.

– Мсье... – только и сказал он.

– Я... ну, я осматриваюсь... то есть я хотел сказать, я смотрю.

Он не тронулся с места, словно не расслышал моих слов или просто ждал другого ответа. Я бы вынужден слегка раскрыться.

– На самом деле... Я видел объявление и хоть знаю, что это глупо, но мне стало интересно, насколько давно оно написано.

Он и бровью не повел. Я почувствовал, как меня охватывает растерянность, и обернулся вокруг, убежденный, что хоть все посетители и не отводят глаз от книг, но в действительности внимательно прислушиваются к нашему разговору.

– Я ищу работу и увидел ваше объявление... – пролепетал я, когда ко мне вернулся голос. – Ну, хотя вообще-то я сразу решил, что объявление давно устарело, но мне захотелось зайти в ваш замечательный магазин.

Выражение его лица не изменилось, и я на секунду усомнился, что старик в своем уме.

– Рафаэль Скали, – в конце концов произнес он.

Я потерял дар речи, услышав свой псевдоним из уст совершенно незнакомого человека.

– Ведь я прав? – спросил он уверенным тоном, в его взгляде промелькнуло лукавство игрока в лотерею, знающего правильный ответ.

– Да, – вновь пролепетал я.

Его лицо озарилось радостью.

– Но как вы узнали?

Он не ответил: явно старался сосредоточиться.

– Рафаэль Скали, в издательстве «Жанвье» вышло два романа, – начал излагать он, точно перед его глазами всплыла невидимая каталожная карточка. – Первый роман «В тиши ее молчания», второй «Я сын своего отца». А потом ничего... По крайней мере, насколько мне известно.

Я был поражен до глубины души. Если мои романы в свое время и снискали какую-то популярность, она была явно не из тех, что переживет пятилетнее молчание. К тому же, даже если человеку и запомнилась моя работа, откуда ему знакомо мое лицо: я ведь старался не показываться читателям?

– Разве я ошибся? – спросил он, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Нет, несколько.

– Хе-хе, – довольно хмыкнул он. – Мне очень понравился ваш первый роман. Очень сильно написано, и такой необычный стиль!

Короткая пауза, следовавшая за этими словами, без слов сказала мне, что второй роман вызвал у него много вопросов. Я почувствовал благодарность за его безмолвную искренность.

– Но как вам удалось узнать меня?

– У меня совершенно феноменальная память, – ответил он, гордо подняв голову.

– Да, но мое лицо... На книгах не было фотографий... И в прессе тоже...

– Зато фотография была на сопроводительном документе, который ваше издательство рассылало в книжные магазины! – торжествующе парировал он, словно ждал этого вопроса.

Старик явно наслаждался моим недоумением и даже хрипло хохотнул от избытка чувств.

– Я никогда не забываю лиц. Помню всех тех, кого хоть раз в жизни встречал. А также все имена и фамилии. Значит, вы пришли по поводу объявления?

– Да... Но оно, должно быть...

– Я повесил его неделю назад. Я больше не справляюсь в одиночку. Мне нужна небольшая помощь, особенно во второй половине дня. Я старею, силы уже не те. Не хватает проворства. Согласны на такую работу?

– Ну как... конечно, согласен! Но я не знаю, справлюсь ли я. Я не слишком-то большой знаток литературы. Читать, конечно, люблю, но у меня разрозненные и несистематизированные знания...

– Я вас принимаю, – прервал он мою сбивчивую речь. Вид у него был радостный, он довольно потирал руки. – Какое счастье: в моем магазине будет работать настоящий писатель! Если в вашем образовании есть какие-то пробелы, я здесь для того, чтобы их восполнить! Писатель – продавец в моем магазине! Я и мечтать о таком не мог!

Он сиял и подскакивал на месте, как ребенок.

– Меня зовут Гилель Эдинберг, – сказал он, протягивая мне руку.

– А меня...

– Рафаэль Скали, я знаю, – смеясь, перебил он.

– Нет. Рафаэль Скали – мой псевдоним. А настоящее имя Иона Ланкри.

– Псевдоним? – задумчиво повторил он. – Я тоже в свое время пытался сменить имя. Ну, значит, Иона. Иона, кстати, означает голубь. Но вы это наверняка знаете. Символ свободы, символ мира. Добро пожаловать, Иона. И пойдёмте, осмотрим мои владения.

Его костлявая хрупкая кисть опустилась на мое плечо, чтобы дружелюбно подтолкнуть меня вперед, и я увидел на его предплечье татуировку.

Это был номер.

Лиор

Я очутилась перед особняком, стоящим на тихой красивой улочке, прилегающей к авеню Ваграм. Сверилась с адресом: точно, он. Табличка на портале гласила: «Вилла “Венеция”».

Как только я позвонила в дверь, камера в саду повернулась в мою сторону. Механический голос попросил меня представиться, потом пригласил войти. На крыльце меня ждал какой-то мужчина. Он стоял, сложив руки на животе – приветливое выражение на гладко выбритом лице, безупречно отглаженный костюм, – а потом преисполненным радушия жестом пригласил меня в дом.

Я застыла, пораженная роскошным убранством комнаты, в которую он ввел меня: огромные двери, высокий потолок, картины на стенах, широкая мраморная лестница. Одна эта комната была раз в пять больше, чем вся моя квартира.

– Меня зовут Клод. Я мажордом мсье Лучиани.

– Это я с вами разговаривала по телефону?

Он с достоинством кивнул.

– Мсье Лучиани ждет вас, – сказал он затем, приглашая меня следовать за ним.

Мы пошли по лестнице, чтобы подняться на второй этаж, прошли коридор с несколькими дверями, за которыми, очевидно, были комнаты. Я старалась охватить взглядом все детали, чтобы оценить стиль этого дома – столь же помпезный, сколь и какой-то случайный. Словно хозяева безуспешно пытались замаскировать свое стремление выставить богатство напоказ. Пышно, но бездушно.

Клод провел меня через богато обставленную гостиную и трижды постучал в одну из дверей. Пропустил меня в просторный кабинет и вышел, закрыв дверь за собой. Я увидела высокого немолодого человека с резкими чертами лица и квадратным подбородком. Это и был мсье Лучиани.

– Роберто Лучиани, – представился он, протягивая руку и глядя на меня в упор большими черными глазами.

– Лиор Видаль.

– Спасибо, что откликнулись на мое письмо.

– Довольно странное, между прочим, письмо.

– В самом деле? – спросил он, явно припоминая, что же написал в том письме.

– Выглядело как повестка. Нельзя не пойти.

– А, понятно. Мне жаль, что так получилось, простите.

– Вы так ничего и не сказали о том, в чем же заключается ваша пресловутая работа...

– Да, действительно. Дело в том, что это... как бы сказать... необычное предложение.

– Скажите сперва, как вы вышли на меня? Ваш управляющий говорил о каких-то общих друзьях...

– Сейчас я вам все объясню. Пойдемте присядем.

Он провел меня в маленькую гостиную, изящную и удивительно уютную по сравнению с тем, что я видела до сих пор. Мы сели друг напротив друга.

– Дом вам не понравился, верно? – спросил он, пока я осматривала комнату.

– Ну... выглядит он, что называется, внушительно.

– Но нет уюта.

– В общем, да, – растерянно призналась я.

– Ничего удивительного. Жизнь постепенно уходит из этого места, – тихо произнес он.

И вдруг показался мне ужасно грустным. – Еще несколько лет назад этот дом был живым, гостеприимным и уютным. Здесь жила счастливая семья. Сейчас я, видимо, единственный,

кто видит этот дом таким, каким он был прежде, кто слышит раскаты смеха и гул голосов, наполнявшие его.

Он замолчал, словно вслушиваясь в эти умолкнувшие звуки.

– А чем мне нужно будет заниматься? – спросила я, пытаюсь вернуть его к теме, которая волновала меня больше всего.

– О, простите меня, вы же ждете каких-то объяснений, а я грузу вас своими переживаниями. Но мои откровения находятся в непосредственной связи с причиной вашего присутствия здесь.

– Как это?

– Вы, как мне известно, превосходная медсестра. И в этом качестве я бы хотел нанять вас на работу, – сказал он, и в голосе его вновь послышались командные нотки. Так, по моему представлению, разговаривают директора крупных предприятий.

– Медсестры для вас? Вы, как мне представляется, в добром здравии.

– Речь не обо мне, а о моей дочери, – объяснил он неожиданно мягко, пожалуй, даже робко.

– Для вашей дочери? А что с ней?

Лучиани на мгновение замолк, набрал воздуха в легкие, словно собирался с силами, чтобы произнести роковые слова:

– У нее тяжелое неврологическое заболевание. Оно распространяется на всю нервную систему и в конце концов разрушает ее.

Он бережно и опасливо говорил о ее болезни, словно боясь разбудить какое-то проклятие, ухудшить дело неосторожным словом.

– На какой она стадии?

– На последней. Ей осталось несколько месяцев. Три, шесть... может, чуть больше. Я попросил, чтобы ее оставили дома, и установил в ее комнате все необходимое оборудование.

Он горестно обхватил руками голову, а потом проговорил внезапно дрогнувшим голосом:

– Она мой единственный ребенок, и каждый день я вижу, как она уходит все дальше...

– Кроме двигательных функций, что еще поражено?

– Она полностью парализована, не может разговаривать. Общается только с помощью специального устройства, которое работает от нажатия руки. Но редко. Говорит, что это ее утомляет. Но я думаю, что она просто больше не хочет...

– Почему?

– Чтобы я привыкал жить без нее, очевидно. Иногда она вечером пишет мне несколько слов. Каждый раз пытается меня подбодрить. Пишет, что не боится, что я не должен расстраиваться. Она еще думает о том, чтоб меня успокоить! – с грустной улыбкой ответил он.

Он встал, прошелся по комнате, поникнув головой, словно придавленный тяжестью горя.

– Какая злая ирония! Я всю жизнь работал, чтобы моя семья была избавлена от любых проблем. Первые годы были такими счастливыми. Мы с женой и дочкой были настоящей дружной семьей. Все мне удавалось. Меня пьянило ощущение всемогущества, оно подталкивало меня к еще более крупной игре, к еще большему риску. Я хотел заработать еще больше денег. И в итоге забыл о главном. Упустил свою жену. Она сбежала с одним из моих деловых знакомых и увезла с собой дочь. С помощью судов и угроз мне удалось вернуть себе Серену. Я не мог перенести, что она живет с этой женщиной, которая меня предала, и этим мужчиной, который ей не отец. Это был шаг, продиктованный бессмысленной гордыней, ведь я понимал, что не смогу уделять ей должного времени, самому заниматься ее воспитанием. Я доверил ее гувернанткам, и она росла в этом доме, окруженная любовью и заботой моих сотрудников. Несколько лет спустя она заболела. И тут-то я понял, что бессилён, что совершенно ничем не могу ей помочь. Я видел, как из года в год она чахнет. Бросил работу, проводил с ней все

свое время, занимался только ею. Но теперь что я могу поделать? Она недвижна, парализована и ждет смерти. А я терплю все муки вместе с ней.

– А сколько ей лет? – спросила я дрогнувшим голосом.

– Примерно столько же, сколько вам.

– А мать?

– Мать время от времени навещает ее. Не часто. Но я могу ее понять. Она отдавала мне здоровую, веселую, красивую девочку. И с каждым разом видит, что той хуже и хуже. Но все равно приходит.

Я помолчала. Мне знакомы были эти вспышки чувств, перепады от внезапного гнева к безнадежному смирению.

– А почему я? – наконец задала я вопрос.

– Потому что она нуждается не только в медсестре, не только в сиделке. Мне бы хотелось, чтобы у нее была подруга, близкий ей по духу человек, в котором она узнает себя. Девушка, способная поддержать ее в эти дни, проводить ее в последний путь с любовью и участием.

– Вы не ответили на мой вопрос: почему все-таки я? Почему вы считаете, что я могу быть этим человеком? Откуда вы меня знаете?

– Анжела Дютур.

От неожиданности я вздрогнула.

– Мадам Дютур?

– Анжела Дютур была моей ассистенткой, – ответил он. – Я видел вас в больнице.

Тут я поняла, почему его лицо показалось мне знакомым.

– Я часто навещал ее и встречал там вас. – Накануне ее кончины я зашел в палату, а вы были с ней. Вы держали ее за руку и рассказывали что-то забавное, пытались ее развеселить. Я видел, как она улыбалась. Потом вы вышли, оставив нас вдвоем. А она в нашем с ней разговоре упомянула о том, как вы ей много помогаете. Именно Анжела внушила мне мысль нанять вас на работу. «Серена полюбит ее всем сердцем, вот увидите». Таковы были ее слова. Когда я увидел вас на похоронах, я понял всю глубину вашего самопожертвования и решил, что обязательно обращусь к вам со своим предложением.

Его голос был тихим, мягким, почти завораживающим.

– Мне бы хотелось, чтобы вы подружились с Сереной так же, как подружились с Анжелой, – сказал он мне.

Я молчала, не в силах оправиться от изумления.

– Не знаю, – наконец проговорила я. – Мне приятно, что вы так обо мне думаете, но предложение ваше все равно довольно... необычное. Я как раз хотела сменить работу или даже профессию. Я слишком отдавалась делу в ущерб своей собственной жизни и...

– Примите мое предложение. Пусть это будет вашей последней... миссией. Такой способ уйти из больницы. А я тогда займусь поисками подходящей для вас профессии и образования, может быть, пройти обучение и работать в моей компании или где-то еще. Не говоря уже о том, что вам будет положена очень высокая оплата.

– Высокая оплата за то, чтобы я стала подругой вашей дочери... У меня несколько другие представления о работе и о дружбе.

– Я знаю... Простите мою неловкость. Но у меня просто нет никаких сомнений, что вы полюбите Серену и что она тоже вас полюбит.

– Я не знаю. Мне нужно подумать.

– Понимаю. Просто давайте попробуем. Неделю или две, а потом вы можете нас покинуть и выбрать по желанию образование и специальность, которые я смогу вам предложить.

– Все так внезапно, так странно...

– Подумайте над моим предложением, очень прошу вас.

Я встала, он тоже. Но прежде чем уйти, я почувствовала желание побольше узнать о его дочери.

– Могу ли я увидеться с Сереной?

Легкая улыбка озарила его суровое лицо, было видно, что он ждал этого вопроса.

Лучиани пропустил меня вперед, мы прошли по огромному дому и оказались перед дверью спальни.

Он постучал в дверь и открыл.

Я огляделась: передо мной была просторная комната, оформленная в ярких, радостных тонах, обставленная удобной приятной мебелью, изобилующая всяческими подушечками и пуфиками. На стенах – аппликации в виде цветов и деревьев. Огромная библиотека с сотнями томов. Это была комната юной девушки – той, что была Серена до болезни.

Я прошла вперед и увидела Серену. Она лежала на кровати, глядя в потолок. На первый взгляд казалось, что с ней все в порядке, просто она отдыхает и не слышала, как мы вошли. Но медицинские приборы на столике рядом с кроватью напоминали о том, какая трагедия ежедневно разыгрывается в этой комнате.

– Эти датчики позволяют контролировать ее состояние. Мы напрямую связаны с медицинским центром. При малейшей тревоге приедет врач.

Я подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть Серену.

Это была красивая девушка примерно моего возраста, однако болезнь истончила и обесцветила ее черты. Огромные глаза смотрели в пространство, темные волосы разметались по подушке.

– Это я, любимая, – тихо сказал мсье Лучиани. – Я привел сиделку. Ту самую, про которую рассказывал. Ее зовут Лиор, и она хочет с тобой познакомиться.

– Здравствуй, Серена, – сказала я, наклонившись над кроватью.

Взяв ее за руку, я увидела, как ее веки дрогнули.

– У тебя чудесная комната, – сказала я. – Немного похожа на мою. Только у меня меньше книг!

– Серена всегда любила читать, – вмешался мсье Лучиани. – Пока ее болезнь еще не проявилась, она прочитывала несколько книг в неделю. А когда ей пришлось все время проводить в комнате, она целыми днями только и читала. Она прочла все книги, которые здесь стоят.

– А кто-нибудь тебе сейчас читает?

– Я, – ответил ее отец. – Но недостаточно и притом плохо, хотя Серена и делает вид, что ее все устраивает. Я просил кое-кого из своих помощников читать ей, но Серена чувствовала, что им это неинтересно, и расстраивалась.

Меня возмутило, что девушка лишена возможности удовлетворить свою благородную страсть к чтению. Видимо, поэтому я все решила сразу и сама даже удивилась, когда у меня вырвалось:

– Если ты не против, я займусь тобой, Серена. Буду читать тебе романы. Я обожаю читать, но, к сожалению, у меня никогда не хватает на это времени. Таким образом, я смогу доставлять тебе удовольствие и сама при этом буду счастлива... это же здорово!

Я ни минуты не обдумывала последствий своего решения: мне просто стало совершенно очевидно, что мое место – здесь, рядом с Сереной.

Я увидела, как ее веки дрогнули и легкая улыбка появилась в уголках губ.

– Я просмотрю твою библиотеку, чтобы понять, какие книги ты предпочитаешь. Но буду выбирать книги и на свой вкус тоже. Мы примерно одного возраста и, судя по обстановке твоей комнаты, в наших характерах много общего. Значит, наши пристрастия тоже должны быть схожи.

Мне показалось, что ей понравилось мое предложение.

– Я еще не знаю, когда смогу начать, Серена. Но я постараюсь поскорее справиться со своими делами и оказаться рядом с тобой.

Она шевельнула пальцами.

– Она просит свой стилус. Что-то хочет вам сказать.

Мсье Лучиани вложил стержень, похожий на оптическую ручку, в руку дочери. Нажатием руки она включила компьютер, лежащий рядом с ней. На экране появилась клавиатура. Легкими, почти незаметными движениями она передвигала курсор, довольно долго, пока на экране не появилась фраза:

Я буду вас ждать.

Я застыла в удивлении. Она погрузилась взглядом в мои глаза, словно желая проникнуть на самое дно.

– Вот и славно, – в конце концов произнесла я, не зная, как реагировать на такое неожиданное откровение. Затем, склонившись над ней, погладила ее по руке. – До скорого, Серена.

Она прикрыла глаза, в них читалась нежность.

Обернувшись, я заметила, что мсье Лучиани изо всех сил старается скрыть нахлынувшие чувства. Вздохнув, он с благодарностью улыбнулся мне.

– И что, ты вот так, с бухты-барухты, в порыве эмоций возьмешь и бросишь работу?

– Не в порыве эмоций, а в душевном порыве.

– Скорее в порыве безумия.

Мы сидели на моей кровати, обе в пижамах. Я рассказала ей про встречу с Сереной, про мое решение, про переживания моего нового работодателя. Снимая макияж, Эльза обдумывала мой рассказ, задавала вопросы, вставляла замечания.

– И когда ты начинаешь?

– Если принять во внимание полагающийся мне оплачиваемый отпуск и отработанные дни, за которые больница мне еще не заплатила, думаю, дней через десять.

– Ты не слишком спешишь?

– Я попросила у него время на раздумье, но, когда увидела Серену, мне все сразу стало ясно. Я поняла, что нужна ей, и, пусть это покажется тебе странным, ощутила вдобавок, что и я в ней нуждаюсь.

– Да, в качестве подружки по дуракавалянию она должна быть очень и очень ничего.

– Я чувствую, что она может много мне дать.

– Только не рассказывай мне про ваши безумные девичьи междусобойчики, не то я буду ревновать.

– Знаешь, она словно какая-то неизвестная часть меня самой, – объяснила я, скорее пытаюсь найти слова для своих ощущений, чем убедить Эльзу.

– Спасибо, это так мило с твоей стороны, – сказала она, изображая обиду. – Я бы предпочла услышать нечто подобное о себе.

– Глупая ты, – ответила я смеясь, – делаешь вид, что не понимаешь.

– Нет-нет, я все понимаю. Я годами таскаю тебя по вечеринкам, утешаю после неудачных романов, трачу свое хорошее настроение, чтобы как-то расцветить твою печальную жизнь, и тут появляется незнакомка, один взмах ресниц – и она уже «часть тебя». Ну что ж, если надо быть парализованной и умирающей, чтобы заслужить твою дружбу, я сдаюсь, – съязвила Эльза, широким жестом швырнув в меня ватку, пропитанную кремом для снятия макияжа.

– Ты правда думаешь, что я совершаю глупость?

– Если бы я обладала даром предупреждать глупости, мы обе давно уже были бы замужем и имели кучу детишек.

– Побудь хоть минутку серьезной, Эльза, – взмолилась я.

– Ладно. Нет, на твоём месте я бы воспользовалась подвернувшейся возможностью. Вместо того чтобы возиться с целой кучей больных, ты будешь заниматься одним человеком. Тебе будут хорошо платить. Будешь проводить дни в шикарном дворце. А если этот человек обещает тебе помощь в образовании и трудоустройстве...

– Да, по крайней мере он так говорит...

– А какой он, этот мсье Лучиани? – спросила она.

– То есть?

– Ну, чисто внешне.

– Ему на вид лет пятьдесят.

– Красавец мужчина в годах или старая развалина? Типа Ричарда Гири или нашего консержа?

– А к чему этот вопрос?

– Разведённый, богатый, нежный, тоскующий... Я уже вижу себя в роли утешительницы.

– Какая ты противная, фу!

– Так как?

– Не буду отвечать.

– Ладно, как хочешь. Я и так сейчас все узнаю.

Она выпрыгнула из кровати, схватила ноутбук и набрала в Гугле «Лучиани».

– Ого, а старик-то вполне ничего! Красавец итальянец, раскаившийся мафиозо, типаж равнодушный мачо, я обожаю таких!

– Как ты можешь...

– Только не говори, что тебе это не пришло в голову!

– Мне это не пришло в голову! – возмутилась я.

– Да, кстати сказать, в этом вся разница между нами.

– Но ему пятьдесят лет!

– Ну и что? Мне как раз это и нужно. Зрелый мужчина, уверенный в себе, который прожил целую жизнь и мою молодость будет воспринимать как подарок, как последний шанс, будет ценить меня, как драгоценность, юную и прекрасную. Ну... по крайней мере юную.

Она глубоко вздохнула.

– Ты нас познакомишь?

– Даже и не рассчитывай.

– И она называет себя моей подругой! – вскричала Эльза, притворяясь оскорблённой.

– Да, наша дружба – самое дорогое, что есть у меня.

– Ух, как это славно! – воскликнула она, смягчаясь. – Знаешь, когда я умираю от горя, то каждый раз, когда меня бросают, то есть примерно раз в неделю, лишь одна мысль не даёт мне окончательно погрузиться в пучину мрака. Я говорю себе, что я все-таки, наверное, совсем не так плоха, если такая девушка, как ты, выбрала меня в свои подруги и не бросает ни при каких обстоятельствах.

Я протянула Эльзе руку, и она свернулась клубочком возле меня.

– Не сомневайся, мы отличные девчонки, – шепнула я ей.

Она вновь села на кровати:

– А можно, я поставлю музыку?

– Если хочешь, но, пожалуйста, ради всего святого, не твою любимую.

– Ну давай Азнавура! – предложила Эльза, словно не расслышав моих слов.

– Нет, опять тоску наведет, сердце заночует...

Она протянула руку к проигрывателю:

– Ладно, вот эта тебе точно нравится: «Опять она мне снилась...»

– Ой, нет, пожалуйста, только не эту...

Я не успела закончить фразу, как раздалась первая нота фортепьяно.

Поскольку я один раз похвалила этот шлягер семидесятых годов, она решила, что это – моя любимая песня. Мне действительно нравился ее старомодный романтизм, нежные голоса, сливающиеся в один и славящие любовь. Обычно ее прослушивание сопровождалось у нас с Эльзой целым ритуалом. У каждой была своя определенная роль, мы разыгрывали пантомиму, сопровождая слова песни утрированными жестами и страстными гримасами, чтобы нас не одолела тоска, чтобы прогнать нахлынувшую грусть.

Эльза пропела первый куплет, используя швабру в качестве микрофона, принимая вычурные позы. Я не могла сдержать смех, хотя наблюдала это зрелище далеко не в первый раз. С Эльзой мне повезло в жизни. Близкая подруга – любящая, искренняя и веселая. Сестра, что уж там говорить.

Второй куплет я уже исполняла вместе с ней.

Иона

Мало того что теперь у меня была возможность оплачивать текущие расходы, новая работа показалась мне истинным счастьем, до того она была приятна. Мсье Гилель отнесся ко мне с большим уважением. Как же: в его распоряжении появился настоящий писатель, и он счел, что настал его звездный час, что теперь у него появился мощный козырь в соперничестве с соседним большим книжным супермаркетом, который распространил свою гегемонию на все окрестные улицы. Мсье Гилель придумал себе призрачную конкуренцию с этим гигантом и приводил массу примеров того, как сперва оказывался жертвой этого безжалостного механизма, но затем, в результате ему одному заметных событий, неизменно выходил победителем.

– Я никогда не уступлю, – говорил он, гордо вздергивая подбородок. – Им меня не одолеть! Я окончу свои дни на рабочем месте, здесь, и меня вынесут из нашего магазина вперед ногами, а вместо лепестков роз благодарные клиенты будут забрасывать гроб страницами любимых книг!

Я сомневался, что в знаменитом торговом доме хотя бы раз слышали о нашем магазинчике, но не лишал старика уверенности, что готов бок о бок с ним биться до последней капли крови на этой беспощадной войне.

Моя работа заключалась в том, чтобы читать и классифицировать романы. Когда к нам приходила новая книга, она откладывалась на отдельный столик, пока ее не прочтает кто-нибудь из нас двоих или же кто-то из числа клиентов магазина, пользующихся доверием мсье Гилеля. Прочитанная книга сопровождалась специальной карточкой и отправлялась на полки. Рецензирование романов было совершеннейшей синекурой. По сути дела, мсье Гилель установил способ классификации, руководствуясь логикой одновременно прекрасной и странной. По его мнению, в первую очередь ценность представляло основное ощущение от романа, тот след, который он оставляет в душе читателя. «Не важно, к какому жанру отнесут книгу наши модные издательские дома. Ставить книги по алфавиту – этот принцип оставим занудным прагматикам. Мы должны в первую очередь думать о читателях, об их желаниях, об их чувствах. Потому что мои клиенты приходят не за детективом или за научно-фантастическим романом, но скорее за некоторым ощущением, за раздумьем. Они вступают с книгами в определенные взаимоотношения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.